

16+

**АЛЕКСЕЙ
ПАВЛОВ**

**СТРАННЫЕ СОБЫТИЯ
В СУХАРЕВОЙ БАШНЕ**

Алексей Павлов

**Странные события
в Сухаревой башне**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Павлов А. В.

Странные события в Сухаревой башне / А. В. Павлов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5321-0366-5

Сухарева башня невидима постороннему: она часть волшебного замка, где скрытно живёт глубинный народ и настоящее сплелось с прошлым. Об этом - в дневнике шестнадцатилетнего Ивана Брюса, которому в снах является как заботливый наставник Фёдор Михайлович. Попытка арестовать Ивана по надуманному поводу не удалась. Семья юноши понимает, что враг, пряча лицо, ищет путь в замок. В этих условиях Иван не может встретиться с друзьями - это опасно. Замок предлагает путешествие в 19 августа 1917 года. Кошки Анфиса и Никта принимают облики Николая Бердяева и Эдгара По, помогая Ивану и его товарищам в захватывающем приключении.

ISBN 978-5-5321-0366-5

© Павлов А. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

1	6
2	16
3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Господи, помилуй!

1

... На крутой горе, усыпанной низкими домиками, среди коих изредка лишь проглядывает широкая белая стена какого-нибудь боярского дома, возвышается четверугольная, сизая, фантастическая громада – Сухарева башня¹. Она гордо взирает на окрестности, будто знает, что имя Петра начертано на ее миштом челе! Ее мрачная физиономия, ее гигантские размеры, ее решительные формы, все хранит отпечаток другого века, отпечаток той грозной власти, которой ничто не могло противиться.

Михаил Лермонтов.

Я сплю. Представь меня таким, милый читатель. Ненадолго. Для начала. Глаза закрыты. Дыхание ровное. Теперь просыпаюсь.словно я вещь, которую вдруг достают из древнего шкафа и, встряхивая, ещё и выворачивают наизнанку. Чувствую недоумение, а через миг ещё и тоску. Будто бы аккорд из скрипа дверцы зазевавшегося пыльного шкафа и звука выдвигаемого ящика отозвался во мне. Не люблю просыпаться.

Сон, где стою на берегу таинственной реки, проглочен миром коварных, громоздких предметов и заперт в молчаливый до времени шкаф. Навсегда.

И что же? Не всё так печально и уныло для сновидца, выдворенного из ночного вояжа. Открываю глаза. Мир распаивается – и вот я уже вернулся из ночного путешествия. Вывернулся. Как та самая вещь. Иногда со мной остаётся чемодан. С ночными видениями. Как ни странно.

Однажды – не усмехайся, любезный читатель! – в таком сне явился человек с бородой, Федор Михайлович. Надеюсь, догадаешься, о ком речь. Снилось, что выхожу я из «Сухаревской» и тут же, на улице, у ограды Троицкой церкви, вижу его. Улица пуста, а он разгуливает. Один. Ничего себе старичок, старомодный для многих. Видел бы ты его затёртое пальто! Пальто на вате². Пожалуй, мы из одного шкафа, подумал бы я, если бы сразу проснулся. Долго беседовали. Правда, больше он говорил. Все слова жадный сон себе оставил. Желая вспомнить, но нет – всё дальше и дальше сказанное. Ускользает, как время. Истончается, как память. Уходит во тьму, как жизнь.

С тех пор я думаю о чудедействе слов в отношении всего, что хитрое время успевает быстренько отуманить и запрятать в свои ящики и шкафы. Как удастся писателю похитить читающего из мира коварных предметов и отправить в утаённый мир? Вам сейчас явилось ужасное предложение. Может ли «ужасное предложение» «явиться»? Не может, полагаете? Я пишу плохо? Тускло, сбивчиво и невнятно? Безусловно, это жуткий косяк, синтаксическая катастрофа. Кто-то, читая, сморщится и, надо думать, обругает меня не самыми лучшими словами, но оставлю как есть, не буду исправлять. У меня должны быть ненавистники – это, милостивые господа, укрепляет меня! Малолетняя глупость, замешанная на причастности к Слову,

---

¹ Сухарева башня была выстроена в Москве у Сретенских ворот в 1695 году по почину Петра Великого. Снесена в 1934 году по решению Иосифа Сталина.

² Вероятно, рассказчик намекает на гоголевскую «Шинель», из которой, по приписываемым Достоевскому словам, «вышли все». Фраза Достоевского может быть понята, как минимум, двояко.

просыпается, открывает глаза и крепнет. Глупость вызывает интерес. Надеюсь, мой слог выправится и станет выразительным. А может, Федор Михайлович эдаким мощным пинком закинет меня в русскую литературу? Судя по всему, она, родная словесность, совсем в этом не нуждается.

Позволительно ли в наше время уподобиться в слог, к примеру сказать, Пушкину? Добиться той же прозрачности и ясности в замыслах и словах? Смею предположить, что с тех пор что-то внутри и снаружи этой жизни поменялось. Усложнилось. И начинка, и упаковка. Как у шоколадного батончика, призванного вести как к простым пищевым удовольствиям, так и к миру мечты, где есть счастливые встречи, уютные посиделки, где беседы ни о чём полны значений, а дорога в никуда оказывается выигранным лотерейным билетом. Пишу о батончике, так как изрядно голоден.

Наступает блаженный, сладкий миг, когда вываливаешься не из шкафа, а из школы после невероятного числа уроков – и никуда уже не спешишь. Усталость и голод. Долгожданная свобода. Кофе, булочка и дружелюбный читатель – вот что сейчас может стать для меня источником удовольствия.

Где же действие? Вступление, пожалуй, пусто и затянулось. И ему суждено откладываться в моем странном дневнике, врастающем в книгу.

Самое время представиться. Я Брюс³. Это фамилия. Зовут меня Иван. Мне почти семнадцать лет. И сейчас иду из школы домой. Приходится скрывать, где живу. Но вам расскажу. Живу в замке⁴. Забавно звучит? Так уж, как говорится, повелось много столетий тому назад, и я тут ни при чём. Примите как факт.

Иду по Сретенке, останавливаюсь у заветного окошка, где на подоконнике меня ждут цветы.

– Ах! Ванюша вернулся. День совсем склонился к вечеру, значит. Как он на нас смотрит! Всё ли хорошо у тебя, наш сладкий? Устал, наверное? – лепечут цветы.

Естественно, слышу такое только я.

– Да, милые. Можете засыпать. Зовите Петровича, чтобы открыл мне.

– Он уже ковыляет, старый. Иди сам. Сегодня кареты не будет: дорога свободна. Мы тебе песню придумали. Споём как-нибудь, когда солнышко будет светить.

– Хорошо, мои красивые! Я вас тоже порадую как-нибудь, нарисую... Таких, как вы, больше нет.

Цветы молча закрываются, складывают свои легкие, прозрачные лепестки, пронизанные сетью сосудов, а я решительно сворачиваю со Сретенки в малолюдный переулок, оглядываясь. Действительно, никого сегодня нет, никто не мешает. Тишина и благодать. Еще раз сворачиваю – передо мной железная дверь с еле заметным гербом, покрытая ржавчиной и изрисованная какими-то большими бестолковыми детьми. Стучу железным кольцом три раза. Где-то вдалеке раздаётся тихий скрежет, и я слышу, как стонет и поворачивается несколько раз в глубине двери железный ключ. Дверь тихонько приоткрывается, пуская наружу запахи горячего воска, – за ней в полумраке плывёт Петрович, морщинистый молчаливый старик, замковый

---

³ В старомосковских преданиях Сухарева башня связана с именем Якова Вилимовича Брюса (1670-1735) – возможного предка рассказчика. Яков Брюс, сподвижник Петра, инженер, учёный, военный, открыл первую в России обсерваторию, размещившуюся в Сухаревой башне. Разносторонность Брюса и его учёные занятия стали причиной того, что некоторые видели в нём чародея и чернокнижника.

⁴ Здесь и далее рассказчик использует слово «замок». Можно предположить, что невидимая Сухарева башня только часть «замка».

дворецкий. Иногда он может прошепестеть губами: «Как дела?» Мой ответ его не интересует. Он спрашивает, не задумываясь и забывая тут же о том, что спросил и что я ответил. Он тенью исчезает за тяжелыми шторами, чтобы сразу лечь в маленькую кровать, а я иду узким длинным ходом под землей.

Приходится пользоваться тайной галереей много лет. Этот ход – настоящий лабиринт, в нём несколько ловушек на случай случайного или продуманного проникновения незваных гостей. Говорят, ловушки придуманы мамой: она самолично занималась вопросом, размышляя о поведении людей в лабиринтах, читая трактаты, консультируясь со знатоками. Сколько выдумки, задора и коварства вложено в совершенствование ловушек! Выглядит это бесчеловечно и хитро, к моему сожалению...

Мать рассказывала, что раньше-то, на заре её туманной юности, всё было просто: попавший в ходы замка сталкивался с обаятельными, улыбающимися работниками советского торгового распределителя для избранных – Гошей и Зиной. Эти двое вырастали вдруг, прямо из-под земли, в сказочном свете среди сияющего чертога изобилия⁵ свежих продуктов и заграничных вещей. Незваный визитёр, сражённый волшебной картиной наповал, полностью терялся, как ребенок, забывал себя и всё другое – и потом, уже счастливый, ослеплённый, оказывался не пойми как, совершенно внезапно, на пустынной улице где-нибудь в Бирюлёве, сжимая в руках пакеты с банками шпрот и с коробками, где лежали финские сапоги. Это было, по-моему, гуманно, по-советски.

В последние годы мать ломала голову, обдумывая принципы действия новейших ловушек, так как фокусы с сырокопчёной колбасой и замороженными джинсами «Ливайс» были отправлены в утиль вместе с ушедшей на задний двор эпохой социального авангарда. Тревога матери росла пропорционально стремительности жизни, осаждавшей замок и грозившей взятием мифическим врагом одной из башен, подземелий и чего-то ещё от священной плоти нашего каменного гнезда. «Ни одного камня врагу!» – вот что хотела выкрикнуть мать, защищая патриархальный мир.

Враг прятал лицо, нацепив маску благочестия. Мать, почтенная женщина, ранее спокойная, далёкая от обманчивой повседневности, теперь пристально всматривалась в пространство, обступившее замок со всех сторон, говорила об опасностях и не по-христиански негодовала, доходя до крика, особенно при случайном просмотре федеральных телеканалов, обращая сама к себе: «О ужас! Она теперь в сенате⁶ сидит, эта лицемерная жаба Писулина! Не так давно на болоте грелась, под кустом клюквы. Ты же есть, Господи! Это избиение младенцев при царе Ироде⁷, не иначе! Какой колдун вытащил её из трясины, люди добрые?!»

Мать, бледнея, заявляла, что опасностей премного вокруг и она упрямо кружит неподалёку. Чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость, зависть, лень – вот греховные страсти, вокруг которых танцевала пытливая мысль моей задумчивой матушки. Склонившись над планшетом, затаив дыхание, она читала священные книги и жития, листала схемы и картинки вроде «Греховные страсти и борьба с ними, по учению преподобного Иоанна Лествичка». Она мудро считала, что, понимая природу низменных страстей, отделяя их друг от друга, осмысливая в подробностях, можно выстроить уже безотказную и

---

⁵ Дефицит продуктов и товаров был частью советской жизни. Мир, где вожаемые товары были в свободной продаже, выглядел как сказка.

⁶ Проявляя осторожное уважение к власти, напоминаем страшную историю о заседавшем в одном из сенатов господине, у которого образование было в объёме шести классов, при этом печь в его доме топилась пачками денег. Сенатора обвинили разных преступлениях, в том числе в убийствах. О подробностях пыливый читатель может узнать из фильма на канале «Россия 24» и других источников.

⁷ Евангелие от Матфея, 2:16. «Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался, и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов».

вечную систему ловушек для тех, кто хотел бы проникнуть в замок без приглашения или с темными замыслами.

«Придумываешь искушения для человека, маман? Аки диавол? Кто тебя наущает, признавайся?!» – шутил я. Она, вроде как припоминая что-то, смотря вдаль, серьезно отвечала: «Никто без искушений не может войти в Царствие Небесное. Искушение подобно огню, очищающему золото!» Я был готов рассмеяться: «Чтение тебе идет на пользу! Ты, однако, большая мастерица плетения словес, настоящая красноречивица! Нам это грозит постом и молитвой? Будем пить чай без сахару и без конфект?» – «Как Бог пошлёт!» – «Он пошлёт кого-то в магазин, в бакалею, а может, пошлёт куда подальше. Однозначно!» – «Ну ты, лентяй болтливый, отправляйся делать уроки!» – «Ты как Господь. Посылаешь меня. Не будь горда и тщеславна... Кстати, какая ловушка для гордых и тщеславных?» – «Дверь со ступенькой вверх, инкрустированная стразами, с надписью «VIP» в коридоре». – «И куда эта дорога ведёт?» – «На скользкую крышу в Москву 1937 года⁸, откуда видны настоящие звёзды». – «А ведь заманчиво, что ни говори!» – отвечал я, отправляясь в свои покои.

То, что я пишу, фактически дневник, с небольшими отступлениями для полноты картины моей жизни. Надо признаться, отступления застилают канву событий дня.

План на оставшееся к вечеру время прост: поскорее сделать уроки, посидеть за столом с маман, ведя кроткую беседу о том о сём, а потом улизнуть на вечернюю прогулку. На днях я нашел в своих школьных тетрадах плотный конверт, на нём было выведено: «Ивану Брюсу. Прочитай, когда будешь один». Внутри конверта был кусок распечатанной на принтере карты, с оборванными краями, и записка. На карте видны были кресты, отмеченные красными чернилами. Записка нацарапана кривым почерком, и её содержание таково: «Иван! На карте показаны места, где меня можно встретить или не встретить такого-то числа, в такое-то время. Сообщи любопытное. Приходи обязательно. Твой осведомлённый друг».

Это же глупый розыгрыш... И ничего другого... Но в любом случае любопытно... У всего есть причины или цели. Возможно, не всё так просто, как кажется поначалу. Какими фактами я располагаю? Каковы гипотезы? Трудно отделять факты от догадок внутри кружащих мыслей. Но всё же. Где подложили письмо? Предполагаю, что в школе. Там сделать подобное совсем не трудно. А если в замке? Мама или ещё кто-то? У нас завёлся лазутчик? Ну нет, это невероятно. Но не исключено. Школьный вариант полностью связан с розыгрышем? Я смотрю на крестики, вцепившиеся красными лапками в отдельные точки измятой карты, и начинаю понемногу сознавать, что расставивший крестики либо уже точно знает, где я живу в тайне от всех, либо весьма близок к этому. Та-а-ак! Как говорится, опасно. Тонкий запах чего-то тревожного, неуловимого и то же время странно знакомого точится из конверта и выскользнувших из него бумаг. Мамина паранойя заражает меня!

Допустим, не розыгрыш, а коварные планы. Каковы цели? Пробраться в замок, найти ходы в него? Изучить моё поведение, выслеживая меня? Пробудить любопытство и заманить в ловушку? Выкрасть меня? Или всё намного проще?

Попробую соединить пересечения крестов друг с другом: выходит непонятная фигура, и она ничего не объясняет, кроме того, что я, возможно, буду двигаться от одного креста к другому. На это и рассчитано? Есть места, где я неизбежно буду появляться, двигаясь от одной точки к другой. Вот оно что! Значит ли это, что эти неизбежные маршруты являются искомыми для тех, кто задумал ловушку?

«Мам, я на полчаса!» – «Долго не гуляй, сынок!»

В этот раз без кареты никак не обойтись: кто-то ходит поблизости, за этим зорко следит Петрович в своих дрёмах. Старик обладает даром ясновидения во сне. Зевающий, он смотрит мне вслед и напутствует бесцветным шелестом слов: «Ваня, выходи на углу». Карета – это

---

⁸ На 1937-1938 годы приходится пик политических репрессий в СССР. Большая часть арестованных была расстреляна.

одно название, хотя внешне она весьма похожа на древний, музейный снаряд для передвижения. Карета не всегда видна: она то видна, то нет стороннему, уличному наблюдателю, иногда не видна вообще. Ты выпрыгиваешь из неё, и вот с этого мига действует привычная физика обычных людей – иллюзии, наводимые скрытыми силами замка, его хитроумные голограммы перестают действовать.

Уже давно стемнело, и легкий ноябрьский мороз остудил воздух. Я никуда не тороплюсь, стою в неприметном месте на улице и наблюдаю за прохожими и автомобилями. Буду ждать, затаившись. Я рассчитываю на то, что *некто* пройдет или проедет мимо и как-то *выдаст себя*: затянувшимся взглядом, медлительностью либо, наоборот, порывистостью... Ничего необычного вокруг, кроме полицейских автомобилей: они едут очень медленно, притормаживая, и сидящие в них неподвижно смотрят на прохожих. Так они обычно колесят по городу, им до меня нет никакого дела.

Обзор внезапно становится половинчатым: часть улицы закрыта остановившимся темным фургоном «Фольксваген» – тут же другой фургон появляется в нескольких шагах от первого. Я в ожидании. Мне кажется, что это связано со мной, и я быстродвигаюсь в темный переулок. Оглядываюсь – и обнаруживаю медленно ползущие авто в ту сторону, куда я собирался скрыться. Порывисто разворачиваюсь и быстро иду назад, туда, где остановились фургоны: я хочу заглянуть за стекло и увидеть лица, но страх пронесет меня рядом – вижу темные, застывшие внутри фигуры. Останавливаюсь в людном месте – на меня натываются прохожие. Достая телефон, чтобы делать вид, что в него погружен, а боковым зрением продолжаю следить за происходящим. Тут с очевидностью замечаю нескольких атлетически сложенных мужчин в неприметной, но дорогой одежде: они идут в мою сторону, беседуя друг с другом. Пора бежать!

На моё счастье, рядом тормозит маршрутка, куда я запрыгиваю последним. Маршрутка мимолётно отъезжает от тротуара, а я наблюдаю замешательство преследователей. Через минуту темные фургоны показываются вдалеке, позади. Прошу водителя остановиться, и снова мне везёт: пешеходный переход горит зелёным, и я пересекаю улицу внутри группки людей. Справа – Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках, и туда я мигом вбегаю. «Спрячьте меня, матушка, ради Бога!» – обращаюсь к недоумевающей строгой пожилой женщине у свечного ящика. «Поскорее, пожалуйста!» – добавляю я. Кажется, моё испуганное лицо заставляет её быстро действовать. «Иди за мной, мальчик», – отзывается она мягким голосом.

Попадаю за какую-то стремительно закрывшуюся дверцу в изрядно темную комнату, где пахнет ладаном. Нахожу на ощупь стул и усаживаюсь на него. «Ничего себе приключение! Какой всё же я дурак!» – бормочу под нос. Достая телефон и снова прячу его, понимая, что свет экрана будет заметен тому, кто заглянет сюда.

Остаётся только молиться. Взволнованному и преследуемому человеку сидеть в густой темноте вдвойне затруднительно. Тьма, одиночество и неподвижность пробуждают во мне ощущение, что куда-то плыву и понемногу растворяюсь в тягучем, но приятном до головокружения воздухе. Глаза со временем привыкают к темноте, и что-то я могу разглядеть: струйки ровного света золотят воздух, очерчивают его объём, наконец я вижу свои ладони – они парят отдельно от рук и выглядят прозрачными. Это необычное чувство. Я закрываю глаза и продолжаю видеть ладони и всё другое вокруг, будто веки не смыкались. Как жаль, что не с кем поговорить! Я сам – единственный собеседник. Сиди тихо, Ваня! Стань прозрачным, как невидимка! Ведь сегодня ты влип в историю. Кто знает, чем всё кончится...

Где же Бог?

Вдруг Он здесь, в этой темной комнате, в нескольких шагах, сидит и тихо, в таком же ожидании беседы, добродушно смотрит на меня? Может ли Он быть как человек? Может ли Он вернуться к людям? Как Его, без паспорта и регистрации, встретят? Узнают ли? Или всё снова повторится, как только Он начнёт проповедовать? Или в этот раз всё будет по-другому?

Из-за стены доносятся тихие, смиренные голоса; их звуки успокаивают. Мне кажется, что, слыша человека, я могу в точности его представить.

Включу фонарик в телефоне и рассмотрю помещение... На стенах – иконы. На одной вижу человека во рву или в яме со львами: львы должны были его растерзать, но ему стали послушны; из ямы человек смотрит вверх, на небо, и там он⁹ зрит¹⁰ будущее.

Дверь в комнатку решительно распаивается, и на пороге вырастает батюшка с бородой и та самая пожилая женщина, укрывшая меня. «Вот он», – говорит осторожно женщина. «Слава Богу!» – отвечает ей батюшка в недоумении... «Это вас покемоны ловили?» – шутит священник, меняя интонацию. Неловко и многосложно отвечаю батюшке, который внимательно смотрит мне в глаза: «Вроде того... Неугомонные покемоны тьмы! Они нас ловят, а мы их – нет. Странные правила не нами придуманной игры». – «Правила меняется иногда! В этот раз покемоны не зашли к нам. Почему-то пробежали мимо! Вы, похоже, на этом этапе выиграли у этих чертей. Не попадайтесь им больше! И самое правильное: оставьте покемонам их игрища. Сделайте так, чтобы они без вас обходились. Идите с миром, если не нужна помощь, и читайте Священное Писание! Вас, юноша, проводим до ворот».

Я плохо соображаю, снова оказавшись на улице. Смотрю по сторонам. От мамы приходит сообщение: «Мы знаем. Поезжай к бабушке! Выключи телефон сейчас же». Я понимаю, что мама имеет в виду. Каждый из живущих в замке пользуется, как правило, собственным ходом. Древняя традиция. Дедушкин ход – самый далёкий, долгий по протяженности, невероятно сложный, нам с мамой неудобный. Еду туда – это несколько станций в метро. От метро – по темным закоулкам на территорию небольшого заброшенного завода. Железная дверь мастерской – надо постучать. Загорается небольшой фонарь, и он, поворачиваясь, указывает, куда именно следовать в этот раз. В стене цеха передо мной открывается неприметная дверка – туда я и захожу.

Бабушка молча встречает меня, улыбаясь больше по привычке. Он озадачен. Стена раздвигается, и по темному коридору, подсвеченному новомодными лампами, мы идем к лифту. Дед поначалу молчит, не находит подходящих слов. По его лицу скользят сильные чувства; он ограничивается междометиями, вздохами, круглыми глазами – и наконец произносит: «Ну ты молодец! Горжусь! И недоумеваю. Как же тебе удалось такое – уйти от них? Они ж в шаге были». – «Сел в маршрутку, потом спрятался в церкви... Так вышло... Случайность... Или что-то другое меня спасло... Кто они такие?» – «Не знаю, не знаю, кто они. И откуда на нашу голову... Ух! Как я рад, что ты от них ушел! Петрович во сне заметил неладное, сказал, что и на днях что-то подозрительное видел, но не понял, что видел... Сегодня вечером разволновался старик не на шутку, побежал к мамушке твоей, она в слезах горьких звонила мне... Но что я мог сделать? Ни-че-го! Вот только теперь буду думать, как в похожей ситуации не опростоволоситься», – вздохнул дед.

Мы прошли мимо двух больших статуй, изображавших Путина и Медведева в духе персонажей «Звездных войн»: статуи светились изнутри и даже разговаривали друг с другом. Это меня оживило, и я наконец ощутил, в каком диком напряжении находился после случившегося.

Путин с Медведевым остались позади – и уже настоящие ворота замка открылись нам. Мне стало намного легче...

В башне, в небольшой комнате, нас ждала мама. Состояние испуга еще не сошло с её лица.

– Ваня, ты нам что-то не рассказал. У меня такое чувство! – начала она.

– Ты права, мама... Вот письмо, которое я нашел в своих тетрадях накануне.

Мама с дедом переглянулись и стали изучать карту и записку.

---

⁹ Пророк Данииел.

¹⁰ Видит.

– Вань, это не шутки! Ты бы сказал – я бы сразу сделал химические анализы. Кто в руках держал, какие запахи, вещества – всё же станет понятно. Уже факты... Я изучу.

– События с тобой, Ваня, проводят черту: прошлое остается позади, наступает новая эра в семье и замке. Мы вынуждены многое менять в нашей жизни. Это было неизбежно, поверь... Как только пошли эти странные разговоры про *глубинный народ*, я сразу поняла, что не всё так просто и что к нам начнут ломиться. «Глубинный народ» им подавай! Местные философы, проснувшись, как сурки, после спячки, начитались заволаживающих английских слов: *deer net, dark net, deep state, dark state*¹¹. И начали свой дискурс¹² править. Ну что ж! «Come on people now smile on your brother!»¹³ Теперь вещай, дед, тебе есть что сказать! – предложила мама.

– Эх, – выдохнул дед. – Загнула ты, Серафима, с новой эрой. Как на партийном собрании¹⁴. Хотя дискурс тоже начнём править. За милую душу! И за базар отвечать! Буду говорить, что живем мы в *Cristal Castle*¹⁵. Хо-хо! Звучит слишком... Не по-нашему... Три дня берем на размышление: не всё же ясно в произошедшей истории. Значит, Ваня, ты теперь сидишь здесь. До лучших эпох. И никуда не вылезает. Школу прогуливаешь. Каникулы для тебя наступили... Напиши друзьям, что приболел. Тебя там, в школе, точно, мигом возьмут под белы ручки, если объявишься. Ты козырь в игре. На тебя почему-то вышли. Будем вместе думать, как им удалось... У тебя теперь редкий шанс – внешне измениться... Тебе, Вань, даём другой, новенький и красивенький паспорт, другое имя, будешь Артуром Коннором, шотландцем по происхождению... Как тебе?

– В таких случаях говорят: пафосное имя. Для меня звучит крайне необычно. Долго буду привыкать. Не всякий Ваня может поверить в то, что стал Артуром.

– Мужик сказал – мужик сделал... Перекрасишь волосы, купим тебе ушанку, будешь выходить на улицу и заматываться в длиннющий шарф. Глаза будут тонуть в меховой шапке, рот прикрыт шарфом. Сюжет для достойной картины маслом в полный рост: наивный юноша с Британских островов приехал в снежную Россию, чтобы посмотреть на медведей, и оказался зачарован тайнами русской жизни, – дед всю веселился. – Кстати, кстати! – тут дед многозначительно и серьезно, сделав паузу, посмотрел на матушку, и что-то повисло в воздухе между ними. Дед продолжил медленно и выразительно: – У тебя есть не только паспорт, но и вместе с ним и брат: его зовут Генри, тоже Коннор. Говорят, скоро будет у нас в гостях. Как тебе такой расклад?

– Расклад самый удивительный... Странное ощущение сейчас у меня... Попытаюсь объяснить... Кажется, вы ждали нападения на меня...

– Нет, – серьезно ответил дед, хмурясь, – поверь, это неожиданность. Но мы были готовы.

– Звучит неоднозначно.

– Да, ты прав, – отрезал дед.

– Так что за брат у меня? Оказывается, у Артура есть брат. А Ваня без брата долго жил, бедный и несчастный.

Дедушка хотел что-то сказать, вместо слов замахал руками, как мельница, увидевшая Дон-Кихота.

– Вань, он замечательный. Скоро ты его увидишь, – тихо сказала мама.

– Ты с ним знакома? – я спросил и широко открыл глаза.

– Да.

---

¹¹ Глубокая сеть, тайная сеть, глубокое государство, тайное государство.

¹² Возможно, под «дискурсом» Серафима Аркадьевна понимает определённые комбинации, с помощью которых говорящий использует язык.

¹³ «Давайте, чуваки, улыбнитесь своему брату».

¹⁴ Аркадий Владимирович, по старой памяти, имеет в виду собрание членов КПСС (Коммунистической партии Советского Союза), на которых можно было услышать наполненные дутым пафосом фразы, в том числе про «новую эру коммунизма».

¹⁵ Прозрачный Замок

– Давно?

– Очень.

– «Очень»... У меня сегодня чудесный день. Сводите меня к психиатру. Я ему расскажу, что с рождения живу в невидимом замке, что меня преследуют, что я и Ваня, и Артур. Однозначно, шизофрения. Держите меня семеро! Так, кажется, буйные предостерегают окружающих. И как быть с военкоматом?

– Дурацкие шутки у тебя, сынок! – почти обиделась матушка.

– Да, Вань, это тебя сегодня сотрудники военкомата ловили. Хотели повестку вручить, наверное, – подвёл итоги расследования дед.

– Веселая у нас семья! Главное, острохитроумная. Сходи к ним, бабушка, заberi повестку.

– Нет сейчас времени, Ванюша! Ко мне, в галерею, посетители пожаловали, поэтому я вас, мои дорогие, покидаю.

Дед быстро встал из-за стола и растворился в воздухе – такая у него была манера. Он в приграничном к замку пространстве мог появляться в трех ипостасях: молчаливый охранник завода, весёлый сварщик из небольшого гаража или молодой владелица арт-галереи. На этот раз дед с гиперзвуковой скоростью отправился в галерею, где ожидалась гости – ценители прекрасного.

В глубине замка между пространством и временем складывались замысловатые связи. Мать объясняла, что это и есть настоящая физика, со всеми возможностями и проявлениями, а требование, чтобы жизнь представляла в исключительно линейном, текущем монотонно в одну сторону времени – нонсенс, заблуждение и наивный пережиток, наподобие ньютоновской механики. Прошлое в замке никуда не исчезало, а было похоже на многослойный, прирастающий пирог – и оно, прошлое, пребывало внутри настоящего, обычно не нарушая его, но вторгаясь в настоящее там, где была пустота или где возникала вызывающая необходимость в прошлом. Разумеется, без разных казусов и странностей не обходилось. Уже упомянутые Гоша, Зина, Петрович, дворецкие не являлись привидениями, хотя бы потому, что внутри замка они физически продолжали жить в своём слое времени, в котором это самое чудесное время вело себя по-всякому: то притормаживало, то назад шло, то вперед, то двигалось по кругу. Тот же Петрович в течение полугода мог быстро молодеть: его плечи расправлялись, голос креп, улыбка цвела на лице – в следующие три месяца Петрович стремительно превращался в дряхлого, изнемогающего старика. Иногда он мог повторять одну и ту же фразу несколько раз, как музейная, застрявшая на одном кругу граммофонная пластинка, к примеру: «Милостивый государь, сообразовите сообщить, как долго Вы изволите гулять по бульварам?» Причина этому крылась не в улетающем мозге старика, а в вихревых движениях времени в недрах замка. Отдельные коридоры или закоулки, потаённые двери или уже названные ловушки способны были вывести в Москву разных эпох прошлого, но постоянные жильцы замка избегали таких шансов, так как случаи счастливого возвращения назад были редки, согласно легендам и преданиям.

Я двигался в коридорах замка в сторону своей комнаты, как заметил, что из-за поворота показалась Никитична – моя няня, горбатая, но рослая старушка, заботящаяся обо мне как о неразумном младенце. Она была строга со мной и неуступчива. Сядя рядом во время обеденного застолья, она, протягивая полную ложку, из которой когда-то ели великаны, требовала, чтобы я раскрыл рот, подобно неоперившемуся птенцу, и отведал какое-нибудь изысканное яство. Я, любя старуху и жалея её, всеми силами старался избавиться от кропотливого дозора и навязчивой, местами липкой, заботы. На сей раз Никитична молвила, настигнув меня в комнате: «Съешь, Ванюша, пирожок с маком, а вот тебе еще и с яблочком, сладенький». Разумно было всегда благодарить старуху и соглашаться со всем, что она предлагала, – тогда Никитична утихала, смиряла настойчивость, расплывалась в легкой улыбке и уходила на заднюю кухню,

где общалась с другими блаженными обитателями замка, для которых время однажды приостановилось.

Никитична обладала даром яснослышания¹⁶, к тому же иногда ей открывались события ближайшего будущего. В последние десятилетия старушка пристрастилась к просмотру телевизора, просиживала вечера напролёт перед экраном – и её особый слух и способности зреть¹⁷ наступающее смешались с содержанием популярных передач. В замке, посмеиваясь, говорили, что это пошло на пользу необычным способностям Никитичны.

Сладив с пирожками и поправив подушку на моей кровати, Никитична, похоже, не торопилась уходить восвояси; я чувствовал, что ей хочется что-то сказать особенное, но она молчала, прислушиваясь к чему-то.

– Что, Никитична, слышишь?

– Крысы волнуются недалеко. Шепчутся о вынюхивающих мужах, которые толкутся молча, тяжело шастают взад и вперед и молчат. И птахи небесные тоже беспокойны: видят людей в чёрном, что в землю заглядывают. Твой розыск ведут. И в церкву заходили те люди, к батюшке, фотографию твою показывали. «На что он вам, настырные?» – спросил батюшка. «Наше дело, отец! Позарез нужен», – ответили они. «Я вам не помощник в сыске¹⁸. Если помолиться пришли, то пожалуйста, а нет, так идите по своим делам», – ответил священник. «Груб ты, отец, и своеволен. И спрашивать не будем! Ребята проверят все закоулки тут, и если найдут его, то пеняй на себя, познаешь нашу милость». Но тебя уже там не было, ушел ты отсюда¹⁹.

– О чём они между собой говорили, эти чёрные, Никитична?

– Их грязные рты залиты вонючими словами. Я слышала, что кто-то из чёрных нашел в архивных грамотах что-то про нас. Стали маяться, толковать, изучать и вышли на тебя с матерью. За тобой следили, ты был на виду. А вот мать найти не смогли: она всегда осторожна, выходя из замка или возвращаясь. Она чуяла опасность и себя не выдала.

– Мне вот сейчас стало не по себе, как твои слова услышал, Никитична!

– Ты же должен знать. И страшная опасность не грозит тебе, Ванюша! Спокойной ночи! Пирожок-то съешь, милок! И яблочко не забудь! Пирожка-то два, а яблочко – одно. Как думаешь, с какой стороны кусать яблочко, есть ли разница?

– Спокойной ночи, Никитична! Ты говоришь загадками. Глаза у меня закрываются от усталости.

– Вот и ложись...

Сквозь наступающий сон я услышал из коридора шорохи одежд и шаги стражников: их можно было отчётливо слышать и даже видеть, находясь на зыбком лезвии бодрствования и сна. Я провалился в беспокойное, яркое сновидение, где чего только не происходило! Федор Михайлович, возникнув прямо передо мной, как фокусник, не проронив ни единого слова, дал ясно понять, что доволен мною сегодня и даже пригласит на прогулку в лунном свете, как только возможность такая появится, чтобы мы поговорили об отзывчивости слога, но, если я буду лениться, погружаться в излишнюю задумчивость, даст мне такого настоящего русского пинка, так даст, что улечу за пределы земной атмосферы и буду бестолково вращаться спутником на орбите. Вот тогда-то Федор Михалыч вручит мне отличную метлу, чтобы я разгребал космический мусор. На что я, уподобившись деду, замахал руками, давая понять бородатому классику, что у меня вырастут длинные крылья и что двинусь в сторону Луны, как фантастическая птица, свободная и непостижимая. Федор Михалыч исчез, а я, уже без крыльев, окзался на крыше, на самом верху невидимой городу Сухаревой башни, цепляясь за её шпиль

---

¹⁶ Обычно «яснослышание» означает способность слышать звуки тонкого мира. Дар же Никитичны больше связан исключительно развитым физическим слухом, благодаря которому она слышала звуки как внутри замка, так и поблизости.

¹⁷ «Зреть» употреблено в значении «видеть».

¹⁸ Выслеживание и розыск преступников.

¹⁹ Оттуда.

слабыми, неверными руками на промозгом воздухе и обзревая окрестности. Внизу, подо мной, – площадь, а на ней много-много маленьких людей, хаотическидвигающихся, спешащих по своим муравьиным делам. Вдруг люди останавливаются, поднимают ко мне свои взоры – тут я сознаю, что они с удивлением видят меня на башне. «Вот он!» – кричат некоторые из них. Это ужасно, страшно. Вот-вот я свалюсь, убьюсь, умру. Мне хочется проснуться. Ох, как хочется! Что я и делаю. Посмотрев по сторонам, я переворачиваюсь на другой бок и, чувствуя упругость кровати, заново ухожу в сонное, сумеречное ущелье уже до утра.

2

*In Xanadu did Kubla Khan
A stately pleasure-dome decree:
Where Alph, the sacred river, ran
Through caverns measureless to man
Down to a sunless sea.
So twice five miles of fertile ground
With walls and towers were girdled round;
And there were gardens bright with sinuous rills,
Where blossomed many an incense-bearing tree;
And here were forests ancient as the hills,
Enfolding sunny spots of greenery²⁰.*

Samuel Taylor Coleridge.

*В стране Ксанад благословенной
Дворец построил Кубла Хан,
Где Альф бежит, поток священный,
Сквозь мглу пещер гигантских, пенный,
Впадает в сонный океан.
На десять миль оградой стен и башен
Оазис плодородный окружён,
Садами и ручьями он украшен.
В нем фициям цветы струят сквозь сон,
И древний лес, роскошен и печален,
Блестает там воздушностью прогалин.*

Перевод Константина Бальмонта.

Утром повалил густой, весёлый снег, смешанный с крутящимся ветром. В снеге засияло пробивавшееся сбоку солнце, заполняя лед снежинок бешеными искрами и слепящей белизной. Вскочив со своей огромной, изукрашенной таинственными сюжетами кровати, я подбежал к окну и с удовольствием рассматривал утонувшую в белом Москву – только в самом низу сквозь прозрачное основание башни ехали густой лентой автомобили. Могло показаться, что внизу – море, а сама башня – невидимый ковчег²¹, плывущий сквозь порывистую пургу в неведомое будущее.

Я вспомнил вчерашние события и удивился той странной легкости, с которой они остались позади. Торопиться было некуда, дел серьезных у меня не намечалось, посему я снова вернулся под полог кровати, чтобы задремать.

Ближе к обеду я, со скукой на кривом лице, сидел за большущим столом, рассчитанным на полторы сотни едоков, в парадной трапезной с многоцветными стрельчатыми витражами. Никогда нельзя было угадать, кто же сегодня будет за столом во время обеда: только я и мать

---

²⁰ Отрывок из поэмы «Кубла-хан, или Видение во сне» (англ. Kubla Khan, or A Vision in a Dream) Сэмюэла Тейлора Кольриджа (1772-1834). Автор утверждал, что поэма пришла к нему во сне.

²¹ Сухарева башня, по замыслу архитектора, должна была напоминать корабль.

или еще кто-нибудь из лиц необычных, вызывающих удивление и любопытство. Замок, по своей воле, открывал врата избранным: это были самые разные, непохожие друг на друга люди, смысл визита которых мог долго оставаться загадкой. Приходящие были вестниками или же знаками чего-то значительного, и это требовало понимания и осмысления, а главное, действий с нашей стороны. Такова была традиция – с уважением принимать и выслушивать всех, кому замок открывался сам. Сегодня, кроме меня и матери, как и неделю тому назад, появилась полусумасшедшая старуха Аглая Зиновьевна, с крючковатым носом, одержимая приступами смеха. Второй гостьей была спокойная женщина средних лет, Елена Сергеевна, молчаливая и кроткая, с неподвижным лицом, – она приходила к нам часто. Третий человек был совсем незнаком присутствующим: он явился в затертой одежде и больших затемненных очках, словно слабовидящий. Когда он снял очки, мать узнала его: это был Герман Бон – матушка не была знакома с ним, видела ранее только в новостных сообщениях.

– У нас сегодня кавалер! – молвила Аглая Зиновьевна, улыбаясь и склоняя голову набок.

– Да-да, не считая Вани, – поддержала матушка, ожидая, что же скажет Герман. – Не обращайтесь на нас внимания, Герман, как Вас по батюшке?

– Герман Карлович.

– Я Серафима Аркадьевна... Угощайтесь, Герман Карлович, чем Бог послал. У нас тут всё просто и незамысловато. Будем рады разделить беседу и трапезу с Вами! – мать, понимая, что Герман чувствовал себя не в своей тарелке, развернулась к нетерпеливой, желавшей что-то рассказать старушке. – Аглая Зиновьевна, снова будете на нас нагонять жуть и кошмары?

– Ха-ха! Нет, моя хорошая! Я Германа Карловича по дороге сюда видела... Знаете, он так странно смотрел вверх – и даже под очками было видно, как вращал глазами, – что я предположила: он сюда не просто идёт, а воспарить над городом хочет. Сзади хотела подбежать и в шутку спросить, уж не хочет ли он дом с привидениями приобрести?

– И что же, Аглая Зиновьевна, как удалой домопродавец²² женского полу, постеснялись приставать к мужчине на улице? Набралась бы наглости и визитку бы протянули очаровательному Герману Карловичу.

– Ой, да, постеснялась. Даже побоялась. Вдруг, думаю, пойдём сюда вместе, а Герман Карлович окажется непростым мужчиной и на моё деловое предложение серьезно так ответит, взглянув на визитку: «Аглая, я уже не мальчик, понимаете? Лет восемьсот живу – и никаких привидений не видел. Почтенная женщина, а всё туда же норовите!» Скажет, что я дура, и осерчает. Навсегда. И моя карта будет бита!

– Так Вы, Аглая Зиновьевна, легкомысленная наша дама, не спросив, продадите наш замок какому-нибудь мужчине в годах, эдакому скромному полковнику с двойным дном!

– Куда мне! Скромные полковники на меня не смотрят, стесняются. Или прикидываются бедными! Им, их деткам, мать моя, сирым и скромным, подавай Лондон, тогда они сразу оживают и влюблённо на меня заглядываются, расцветая, словно юноши на выданье.

– Елена Сергеевна, у Вас-то всё хорошо? – спросила матушка, вздохнув.

Елена Сергеевна промолчала и едва кивнула матери, чтобы показать, что не всё в порядке.

– Я нашла один старый рецепт, – продолжила мать, передавая мелко исписанный листок Елене Сергеевне. – Вдруг поможет? Да и врачи толковые бывают. Искать надо!

– Везде, моя хорошая, нужны деньги и деньги, чтобы толковых добыть, – подхватила Аглая. – Одно название, что бесплатная медицина.

– Вот Герман Карлович нам поможет. Недаром он пришел... Найдете полковников Аглае Зиновьевне? Поможете Елене Сергеевне с лечением дочери? Судьба нас всех сегодня свела друг с другом. А Вы, Герман Карлович, с чем к нам пожаловали? Признавайтесь.

---

²² Риелтор.

– С полковниками сложно сладить. Скорее, они меня найдут, чем я их, – пошутил Герман. – Но попробовать можно, Аглая Зиновьевна, тем более что полковников всё больше и больше становится вокруг. Как грибы растут. Такое полковничье время наступило. Живём под Марсом, солдаты необходимы. При этом врачей и больниц больше не становится... Елена Сергеевна, поможем Вашей дочери! Я здесь, как ни странно, потому, что мне во сне явилась покойная бабушка, показала на башню рукой и молвила, что много лет тому назад, прячась от злобных преследователей, оставила нашей семье важное письмо в башне и что именно сегодня во что бы то ни стало его нужно забрать... Я в такие мистические видения и глупости, разумеется, совсем не верю: шестой десяток давно пошёл, но я, как видите, явился сюда, как на почту.

– Так и есть, – согласилась матушка, доставая конверт и передавая его Герману. – Что касается мистических глупостей, Вы правы. Не надо придумывать то, чего нет. Письмо же – вот оно. Говорят, Ваша бабушка очень страдала. Одно время здесь укрывалась. Люди добрые помогли. И дело закончилось ссылкой, как Вы знаете. Будучи тут, она оставила письмо и попросила вручить тому, кто за ним явится... Час настал... Я уж не знаю, что в нём такое, – Вы сами прочитаете... Мне почему-то кажется, что час получения письма связан с последними событиями: над нами нависло что-то нехорошее. Вчера Ванюшу хотели схватить на улице вооруженные люди... И это только начало, судя по всему... Помогите нам прояснить ситуацию... Только что мне в голову пришла мысль. Попробуйте выступить в прессе с замыслом восстановления башни, скажите, что размышляете о создании фонда. Наверное, наши преследователи проявят себя.

– Теперь Вы наш шпион! – хитро подмигнув, решительно прошептала Аглая.

– Елена Сергеевна, будешь связной? – спросила матушка.

– С удовольствием, Серафима! – ответила та.

– Мне уготована роль наблюдателя, летописца, школьника, пишущего сочинения? – возмутился я, чтобы хоть вопросом проявить себя.

– Роль едока супа тебе светит в ближайшие дни! Посидишь дома – научишься связно излагать мысли, ленивый дармоед. Ты же ничем толковым не занят! Нахлебаешься не только супа, но и чего похлеще скоро, чувствую я. Ох, конец моей спокойной жизни пришёл! Поел? Молодец! Шагай отсюда! С глаз долой!

– Мать, теперь я понял, ты под Марсом сегодня в гороскопе! Триангуляция с Плутоном. Зашибись, как звёзды встали, – отшучивался я, наблюдая, как беспричинный гнев на меня растёт, подобно поднимающейся океанской волне.

Для скорого перемещения в главной части замка достаточно было прикрыть глаза и суметь на миг уснуть, чтобы оказаться в нужном месте. Излишнее волнение или возбуждение могли затруднить способность к моментальному сну. Так произошло сейчас: я заморгал, но не уснул под грозным взглядом матушки:

– Ступай к себе и делай свои уроки! Через три часа проверю все тетради! Не сделаешь – будешь сидеть неделю в замке безвылазно. Даю слово!

– Почему так ты так сурова сегодня?

– Хочу быть собранной и ответственной мамашей, сынок!

– У тебя почти получается.

– Вот это «почти» обсудим с дедом ближе к вечеру вместе с другими нашими и вашими перспективами.

Медленно, останавливаясь по пути, я побрёл сквозь тихие, отзывавшиеся эхом от шагов покои в сторону своей комнаты в башне. Темные коридоры, иногда прямые, иногда сворачивающие в стороны, иногда с лестницами, с тусклыми, потрескивающими светильниками, вели через анфиладу причудливых, наполненных светом разных оттенков комнат, от розовато-золотистого до сиреневого. В одной из зал Никитична смотрела по телевизору что-то вроде «Давай

поженимся». Она проводила меня неусыпно-внимательным взглядом наставницы, но потом окликнула:

– Ваня, подойди! Что скажу...

– Скажи, Никитична!

Речь Никитичны обладала чудесной словесной и звуковой изменчивостью: то становилась насквозь древне-старомодной и окающей, то напитывалась медийной лексикой, превращаясь в характерное московское аканье. Метаморфозы слога и дискурса находились в зависимости от настроения и предмета беседы и бывали крайне неожиданны. Сейчас же, начав с аканья, Никитична продолжила аканьем:

– Не пойму, куда мы катимся?! Недавно, лет тридцать-сорок тому назад, всё космических академиков показывали по зомбоящику с утра до вечера. Всё про полёты на Луну, на Марс. Наука, техника и урожай. Фильмы про то, как стыдно до слёз премию в три рубля получать, если плохо трудились... Сейчас же бабы с надутыми губами и грудями, возрастом лет под триста, на вид деревенские, вроде меня, с пустыми головами, ведут передачи про то, как мужиков заполучить вместе с богатствами. В детское время толкуют об этом. Последние времена настали? В чем дело, сердечный?

На экране сидящие за столом дамы-ведущие, точно, говорили о своих накачанных частях тела, подтяжках, пластической хирургии. «Я тоже заболеваю этим вирусом. Может, ещё что-нибудь, ещё что-нибудь...»²³ – поправляя расстегнутую кофточку, игриво вешала одна из женщин, не забывая упомянуть о том, что импланты, сидящие в ней, «самые дорогие».

– Душевная жизнь прекрасных дам для меня малопостижима, Никитична! Как думаешь, можно предположить, что импортные импланты, «самые дорогие», и есть наши национальные скрепы? Вдруг это так? Не смейся... Посмотри! Счастливые бабы и мужики, как на живой картине художника, в рамках разных жанров и телеэкранов, прыгают, веселятся, как дети, танцуют и скачут так и сяк, поют, готовят еду – и это чудесный мир благодати. А большие груди – прости, Господи, – это же круто, считают дамы-ведущие. Мигом это обстоятельство повышает самооценку и рейтинг! И если трудно что-то изменить внутри, то почему бы не изменить нечто снаружи? Изменив снаружи, физически, ты создаешь вероятие, шанс для изменений внутри. Это диалектика тела и духа. И свидетельство общего благополучия. Значит, они не голодны... Что еще для счастья нужно? Разве ты об этом не мечтала?

– Нет, Ванюша! Упаси Бог! Грех какой! Разрезать и что-то внутрь вставлять? Соблазн какой! Пирсинги, татуировки... Это всё печати антихриста... Погляди: они же все с крестами на шее! Как же так? Блуд, тщеславие, лень написаны на их лицах, – не унималась Никитична. – Они погрязли в пустословии и презирают бедных. Предупреждали святые угодники о последних временах...

– Они же, твои теледамы, знают, чего хотят от жизни – бесконечного удовольствия. Для себя... Кресты? Это прикольно для них, наверное... Может, ты преувеличиваешь? Может, они Библию читают в перерывах между программами? Хотя ты права, Никитична... Это же картины ада... Представь, эти дамочки затащили Иисуса в свою программу и говорят: «Вот он, Жених посреди чертога брачного!»

– Не шути так! Сейчас за упоминание Иисуса в застенок сажают. Только за упоминание! Рот раскрыл не там, помолился не так, Иисуса не так вспомнил, – а рядом уже прокуратор стоит, смотрит, слушает... Это для верующих, говорит, оскорбление... Ты хихикнул, когда молился... При свидетелях... В темницу! Один тут шел по улице, увидел агитацию какую-то да брякнул во всеуслышание глупость: «Господь и партия едины!»²⁴ Может, старое, советское,

---

²³ Пытливый читатель может найти эту запись на Ютьюб.

²⁴ Фраза напоминает лозунг советских времён – «Народ и партия едины!»; лозунг появился из названия передовой статьи газеты «Известия» (1953, 8 марта), которая вышла на третий день после смерти Иосифа Сталина.

с новым так смешалось в его беспутной головушке? Времена перепутал. Господи, прости! Ну что? Сразу виноват, сразу экстремист и богохул, кощунник. Статья. «Двушечка»... Срок будет мотать, несчастливцев! И все люди молчат! Никто не заступится! Если Христос вернётся сюда, к нам, его тут же прокураторы, игемоны схватят. «Вы слышали богохульство; как вам кажется?»²⁵

По экрану пробежала реклама: известная гимнастка демонстрировала бритые подмышки и сладко, расслабленно шептала: «Моя кожа нуждается в правильном дыхании!»

Никитична продолжила ворчание:

– Дышит она кожей, дурища! Чтобы раздетой скакать с шестами или на брёвнах? А потом в Госдуму? Такого мы не знали, точно. Мне столько лет, что я уж не помню, о чем мечтала в молодости. О радости, точно, мечтала. Радость, она от всякого бывает. От матушки, батюшки, сестер, братьев поначалу. От праздников. От хорошей погоды. Наверное, о сарафанах, сорочках, душегрейках, бусах, кокошниках тоже мечтала. Каюсь. Грешна. Странно, но о любви я не мечтала. Замуж вышла за Федю-ровесника – смешно сказать – в тринадцать лет. Я мечтала быть похожей на мать. Нынче же зомбоящик нам рассказывает и показывает, о чём мечтать. О чем мечтают твои друзья-одноклассники, Ванюша?

– Купить чипсы, айфон, списать домашку, легко сдать экзамен, выспаться наконец, прогуливать школу, найти кучу денег, завести отношения, сидеть в интернете с утра до ночи, отдыхать и лениться где-нибудь на берегу теплого моря. Стать богатым и знаменитым. Много о чём мечтают. Некоторые о чём-то своём мечтают. Чем больше мечтают, тем сильнее хотят умереть... И они зомбоящик уже не смотрят, Никитична! И ты его забудь.

– Вот я и думаю, что жизнь сейчас очень путная! Но люди остались прежними, хоть и триста лет прошло. Мотыльки-однодневки.

– Что спрятано в нашем будущем, Никитична? Все знают, ты у нас самая большая искусница в этом деле... Нострадамус, гадающий на телевизоре... Ванга, слушающая всех живых тварей, включая прохожих...

Один глаз Никитичны был устремлён в экран, другой – на меня:

– Слепцов орда стоит и ждёт,
Когда же замок сам падёт,
Устал их хмурый караул.
Когда б попутный ветер дул,
Нашелся б ключ к загадке сфер,
Который время развернул,
Из бездны поднялся б злодей
Со страшной шайкою своей.
Но ключ лежит на дне,
А дно запряжено во сне,
А сон тот – в глубине души
Того, кто тайну бережёт,
Того, кто спрятан в темноте,
Того, кто слышит ветра гул
В полночный час...

Тут Никитична задумалась, подбирая рифму. Я ей помог:

– Среди акул...

– Нет! – не согласилась Никитична, но предложить что-то иное в рифму никак не могла.

– «Лорд Байрон прихотью удачной облек в унылый романтизм и безнадежный эгоизм»²⁶. Байрон вроде бы не утонул, а только простудился в море? Значит, это не он. Пиратов не хватает

---

²⁵ Евангелие от Марка, глава 14, ст. 64.

²⁶ Александр Пушкин. «Евгений Онегин» (1823-1830), глава 3, строфа 12.

в стихотворении, Джека Воробья. И ничего-то я не понял насчёт будущего из твоего экспромта. И надеюсь, что сие творение не потерянная устрашающая часть «Сказания о Старом мореходе» Кольриджа?

– Байрон? Кольридж? Я уж и не помню таких. Перечитать надо бы. Столько лет утекло! Следующее стихотворное прорицание, возможно, станет бойче по стилю. Погода влияет на стих, – тут дискурс Никитичны стремительно переменялся под действием временных турбулентностей. – Будущее? После того, как всё хорошо, бывает совсем нехорошо. Циклы Кондратьева²⁷, волны Эллиота²⁸. Даже пятиклассник найдет закономерности и посчитает... Новое время идёт, покой кончился, слышу, как солдаты шагают и земля дрожит... Достаточно нам метафизического! Тебя ждёт в опочивальне свежее печенье, пирожки и мандарины.

Насчет варёного, печёного и сладкого Никитична оказывалась всегда права. Будущее готовим мы сами, как пирожки в духовке, – такой эмпирический вывод напрашивался при взгляде на то, что можно было съесть. Мистика существует там, где есть непонимание происходящего. Я был в шаге не только от своей опочивальни, но и от марксизма, когда вспомнил предание, что в позднее советское время над улицей, сквозь невидимый замок, был протянут алый транспарант с лицами трёх бородатых классиков марксизма-ленинизма и белой краской выведенным лозунгом «Народ и партия едины!» И теперь, поднимаясь по лестнице вверх, обитатель или визитёр замка, в недоумении испытал легкое головокружение, проходил сквозь голографический след диалектических материалистов, что, несомненно, влияло на общий настрой и логику мыслей. Обреталась суровая собранность, появлялась революционная решительность, брови хмурились, появлялось желание давить буржуев. «Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг»²⁹. Далее, по мере спирального движения, визитёра настигало мучительное разочарование в смысле коммунизма или же банальное отрезвление, природа которых таилась в непрерывных возмущениях пространства-времени внутри вертикальной оси башни.

Со странными чувствами я вошел в свою комнату. Столько всего неясного! Моя судьба приостановилась, чтобы выбрать новое направление в изменившихся обстоятельствах. Что будет? Всё перестраивается? Новая школа? Новые друзья? В моей опочивальне, похожей на своей форме на крест, в глубине одной из частей, висело большое зеркало – в нём я мог видеть себя в полный рост. Я подошел к зеркалу: лицо казалось бледным и грустным, неподвижным, глаза были темны и печальны. Интересно, как выглядит мой брат? Похож на меня? Весел и добр? Я даже представил, как мы впервые встречаемся, он стоит передо мной и говорит:

- Привет, Ваня! Я Генри, твой брат. Матушка сказала, что вчера предупредила тебя.
- Да-да, привет, Генри! Я и не знал, что у меня есть брат! А ты?
- И я не знал ничего о тебе до вчерашнего дня. И почему такая тайна, тоже не знаю.

Я сел за уроки, и это отвлекло меня от грустного. Через полчаса постижения коварной алгебры, источника ночных кошмаров, я огляделся, надеясь увидеть на столе, в привычном месте, пирожки и мандарины, но, к удивлению, ничего там не было. Странно! Я посмотрел по сторонам и заметил тарелку с одним пирожком и вазу для мандаринов на одной из полок шкафа. Ваза была пуста. Забывчивость не была подругой Никитичны. Пришлось вернуться к злополучной алгебре, в виде иррациональных уравнений ползущей по бумажным страницам. Перелистывая страницы задач и формул, боковым зрением я заметил метнувшуюся тень – я повернулся в её сторону и никого не обнаружил: комната была пуста.

Я взял тетрадь с учебником и сел на широкий подоконник: вид города с высоты действовал на меня по-особому, отвлекая и немного погружая в мечты. Медленно ползли автомобили, подобно рекам; прохожие по берегам городских рек тоже преодолевали неподвижность.

---

²⁷ Циклы подъёмов и спадов мировой экономики продолжительностью 48-55 лет.

²⁸ Теория волн Эллиота делает попытку описать процессы в развитии общества и финансовых рынков.

²⁹ Александр Блок. Поэма «Двенадцать» (1918).

Кто-то стоящий на тротуаре вызвал во мне чувство любопытства. Я взял небольшую подзорную трубу с подоконника и стал наводить резкость: пожилая женщина смотрела на меня – я не мог этого не заметить, – её взгляд остановился именно на мне. Я ощутил подкативший страх и мурашки, ползущие по рукам и лицу, потом волну чего-то теплого и неприятного – лицо старухи расплзлось в гадкой улыбке и беззвучном смехе, она подняла руку, тыча в меня пальцем. Я не мог отвести от неё взора, точно был околдован. Я видел её глаза и лицо – всё же остальное погружалось в белёсый туман.

Моя голова закружилась, тело обмякло, и сознание померкло...

Я пришел в себя лежа на кровати. Был вечер. Мать, с испуганным лицом, сдерживала слёзы:

– Что же это за напасти? Что случилось?

– Я видел на тротуаре старуху – она, как это ни странно, тоже видела меня и указывала пальцем. Я смотрел в её глаза и упал в обморок.

– Что-о? – закричала матушка, смотря на деда. – Я сойду с ума! Откуда она такая?

– Кто-кто? – передразнил дед матушкину интонацию. – Правнучка Вия какая-нибудь. Никитична, ты что слышала?

– Это всё чёрные мужи³⁰ околачиваются окрест. Те самые, которые вечер³¹ за Ванюшей шныряли. Не унимаются. Днесь³² они, чай³³, привезли Алёну Ивановну к стенам нашим, чтобы она им порассказала опосля³⁴, что о нас понимает. И как сюда прокрасться. Так я теперича³⁵ думаю... Серафима, ты же знаешь Алёну Ивановну! – обратилась Никитична к матери с волнением. Испытывая сильные чувства, Никитична переживала возвращение к уже давно забытому, архаичному языку.

– Так Алёна Ивановна – сухая ведьма? Не думала о ней так!

– Значит, так и есть. И ты в опасности, – утвердительно сказала Никитична.

– Ничего-то эта Алёна Ивановна не сделает. Руки коротки. Давно она захаживала сюда? – спросил дед.

– Две недели тому назад, – припомнила матушка.

– И что она тут оставила? – поинтересовался дед. – Живо вспоминайте!

– Вспомнила... Полную сумку яблоков³⁶! – отозвалась Никитична.

– Кто их ел? Осталось что? – спросил дед.

– Ох, я, дура старая, недоглядела! Перевела их все на начинку для пирожков и Ванюшу угощала свежими. И сама ела, – каялась Никитична.

– И я пробовала, – прошептала матушка. – Что будет с нами?

– А меня не угостили, ох, вредные женщины! Обошли? Где мой пирожок? Я один тут такой? Ага! – весело заметил дед, показывая, что не верит ни в какие чары.

– Никитична, ты говорила, что оставила мне пирожок, печенье и мандарины. Я нашел только пирожок и съел – ничего другого не было, – вспомнил я.

– Кто-то съел, – тихо пробурчала старуха. – Кто-то съел... Ещё и Петровича потчевала...

– Ух ты! Петрович тоже околдован! – смеялся дед. – Также есть загадка с неизвестным!

Мать, ты давно свои ловушки проверяла?

– А что? – удивлённо матушка посмотрела на деда.

– Так проверь! Сейчас!

---

³⁰ Мужчины в зрелом возрасте.

³¹ Вчера.

³² Ныне, теперь.

³³ Вероятно.

³⁴ Впоследствии.

³⁵ Теперь.

³⁶ Это архаичная форма.

По крутым лестницам, вслед за стражниками, указавшими матушке дорогу в миг транса, мы спустились глубоко вниз и, открыв по пути несколько массивных железных дверей, достигли одного из далёких подземелий. В ожидании мы остановились, умолкли и стали прислушиваться. Издалека доносилось хлюпанье жидкости и человеческие голоса, отзывавшиеся долгим трубным эхом. «Раз... Два... Три... Замерзаю... Слышишь, умник без головы, из-за тебя мы тут! Провалились и теперь по колено в вонючем месиве толчёмся! Почему поленился потребовать от начальства карты этих чёртовых лабиринтов? Как можно действовать на месте и по обстановке? Хотел бы я, чтобы тут был наш полковник и в этой мерзости покувыркался! Обещал, хитрюга, нам Сочи и Крым... И вот он, курорт! Скажи, каких демонов они в подземельях ищут? Рехнулось начальство, так я считаю!» – громко и нервно говорил один, преодолевая через звуки слов безысходность холода и тьмы. «Что ж! Да, мы с тобой купились на внеочередной отпуск... Вспомни-ка, мы тут шли и думали, куда ж свернуть... Ты, нервный обломот³⁷, начал орать от злости – вот пол под нами провалился... Резонанс... Сам виноват... Если рехнулось начальство, не моё это дело! И не твоё! Выбираться отсюда как-то нужно... Должны же кого-то послать по нашим следам», – отвечал другой, чуть более спокойный и низкий, голос.

Мы приблизились: в каменном, ровном полу зияло круглое отверстие – это был неглубокий колодец. Свет едва-едва струился из отверстий сверху, над подземельем. Говоря строго, подземелье было пограничным: с одной стороны, замок, со всеми его жильцами, обитателями и многослойной реальностью, всецело мог считать подземелье своей частью; с другой – любой досужий диггер либо любопытный подросток, при желании, мог попасть сюда долгими, запутанными ходами, набравшись терпения.

– Здравия желаю! Вы кто такие? – спросил дед, подойдя к краю и посветив вниз фонариком.

Внизу замолчали. Ответный луч фонарика осветил лицо деда – дед поморщился.

– Ты, старый пень, помоги лучше выбраться, – сказал Первый, не стесняясь своей грубости. – Мы счёт времени потеряли, в грязной холодной жиже тонем. По службе тут, старый чёрт... Что смотришь?

– Кто такие, спрашиваю? Что за служба у вас? Часто грязевые ванны пользуете?

– Как вылезем, так удостоверения предъявим, старикан! Не бойсь! Кинь нам что-нибудь, чтобы мы зацепились. Канат, верёвку. Шевелись...

– Рассказывайте! – медленно протянул дед. – Нет времени многожды вопросы задавать. Или говорите, куда звонить, чтобы вас достали. Номерок...

– Не дури, дедок! Не оказывай сопротивление! Не то далеко пойдешь. Забабахал нас своей болтовнёй... Ты сам кто?

– Из замка я, – ответил дед.

Внизу замолчали. Через минуту отозвался Второй, его голос звучал не столь нагло, в отличие от голоса Первого:

– Мы можем быть вам полезны!

Теперь дед замолчал. Второй продолжил:

– Слышите меня? Очень полезны!

– Чем? – коротко спросил дед.

– Помогите вылезти! Будьте человеколюбивым! Сидеть много часов в грязи, темноте и холоде – настоящий ад... У вас нет жалости?

– Вы правы – ад. Самый настоящий. И без причины в грязный колодец не попадают: он разверзается тогда, когда причина вдруг объявляется.

---

³⁷ Редкое ругательство. Вероятно, произошло от слова «облом».

– У нас работа, бабушка! Хорошо, скажем... Суть дела такова: есть повестка к следователю, мы должны найти Ивана Брюса и вручить ему эту повестку. И всё...

– Так вручайте! Иван Брюс, покажись! – обратился дед ко мне.

– Я тут, – отозвался я. – Давайте! Но странно-то как! Хо-хо! Повестка!

Дед продолжил:

– Представьтесь, господа, по форме! И бумажку протяните наверх, мы её отмоем, высушим и в рамку торжественно вывесим в парадной зале. Доставайте повесточку, доставайте! Не стесняйтесь! Стражники поднимут бумажечку!

Снизу замахали чем-то белым – и бумажный четырехугольник взмыл вверх, остановившись перед нашими глазами. Дед направил фонарь и попытался прочесть:

– Одна кака! Тьфу! Всё испачкалось... Разобрать невозможно. Так... «По делу о репосте в социальной сети такой-то... изображения в формате джипег следующего содержания: депутат Государственной Думы Филонов с автоматом и в футболке с надписью «Православие или погибель»... Лозунг «Православие или погибель» признан экстремистским». Что за ерунда? Не по адресу явились. Идите в Госдуму и предъявите адресату с автоматом свою бумажку... Вы это серьезно? Филонов осеняет себя мутными слоганами-лозунгами, а при чём тут Иван? А вы, братцы, случайно не из средневековой инквизиции? Костры горят уже? Или снова за анекдоты сажают, но за анекдоты в весёлых картинках?

– Не мы же это придумали, бабушка! Мы люди служилые и подневольные. Нам сказано: найти и вручить...

– Вот так же рассуждали сотрудники фашистских концлагерей. Они были ни при чём... Просто людей водили в крематорий, как на экскурсию. Гитлер у них, слышь, во всём виноват, начальство рехнулось. Инквизиция крематории построила! Приказы они выполняли, не люди! Так они, честные офицеры, потом в судах объясняли... А у нас – Сталин во всём виноват... Что думаете об этом? Или уже сравнивать нельзя? И думать тоже?

– В холодной грязи думать невозможно. Мозги остыли. Выручай!

– Вы же пришли не вручить, а задержать, провести беседу не только с задержанным, но с его законными представителями? Вручили! Теперь задерживайте и проводите беседу... Тут цель не в задержаниях и статьях, а в чем-то другом... Или что? Кишка тонка? – допытывался дед.

– Это не нашего ума дело... Помогите вылезти... И с нами почтительно беседуйте!

– Почтительно? Может, вам я кланяться обязан после каждой фразы? Вы сами что выбираете: православие или погибель? Не понимаю я смысла этого странного лозунга! – поинтересовался дед.

– Православие, конечно! Разве мы нехристи?

– Я так и думал! С вами можно столковаться... Будете у меня монахами? Как прочтёте Евангелие, так на все четыре стороны... Как только экзамен сдадите на знание основ...

Внизу замолчали.

– У нас, бабушка, семьи, жёны, дети, ипотека... Как они без нас? А книжку как-нибудь сами, на досуге...

– И у нас семья, голубчики! Вы же нас разлучить хотели... И шантажировать, задержав Ивана... Только я не понимаю целей, хоть что делайте со мной. Из-за чего война? Каков ультиматум?

– Мы не в теме... Правда... Наше задание – обследовать коммуникации, найти ходы, выходы, лабиринты, нарисовать детальные схемы и задержать всех, кто повстречается... Это всё, что можем сказать.

– Кому схемы сдавать будете? Кто вас инструктировал перед заданием?

Первый и Второй упрямо молчали.

– Что ж, стражники вас поднимут из колодца и препроводят в соседнюю клеть, где приведёте себя в порядок: отмоетесь, высохнете... Не на мороз же вас гнать? И поговорим после этого... Я вас в заложниках держать не собираюсь. Это ваш излюбленный, гадкий метод... Ищите зацепку, чтобы человека схватить... Два здоровых лба пришли проповедовать высокие нравственные ценности? Любовь и справедливость несёте? Какие вы после этого христиане?

– Не обмани, дедушка!

Мы покинули подземелье, и уже через десять-пятнадцать минут втроем сидели за круглым столом в уютном кабинете с высоким потолком, украшенным полустершимися, закопчёнными фресками, откуда свисала тяжёлая люстра со множеством рожков.

– Аркадий Владимирович, каково Ваше видение ситуации? Вы, как я посмотрю, воодушевлены опасностями? – начала матушка критически.

– Да, Вы правы, Серафима Аркадьевна, воодушевлён! Скука – это уже не про нас.

– О да! Мне кажется, всё серьёзно закручивается, – продолжила матушка в тревоге. – Голливудский боевик. Если со стороны смотреть. История с Ваней, эта предательница Алёна Ивановна, эти двое – звенья одной цепи. Никитична говорит, что нами занялись, найдя что-то в архивах. Она так слышала. Сегодня ещё к нам пожаловал Герман Бон за письмом от бабушки.

Дедушка вздохнул и стал серьёзным:

– Да, Серафима, у сюжета не только завязка, но и развитие действия в наличии... Думаю, подняли документы тридцатых годов, когда Сталин занимался башней³⁸ не шутя: он искал библиотеку³⁹ и Книгу⁴⁰. И рвение «кремлёвского горца»⁴¹ таково было, что башню разобрали по камням, но ничего-то не нашли. Не дался «толстым пальцам» Иосифа замок – башня невидима стала. Скольких тогда, в тридцатые, замок, став неприступным укрытием, спас от верной смерти – не сосчитать! У кого-то из вождей сызнова появился интерес к легендам, витающим вокруг нашего невидимого дома? Или у них выкристаллизовалось и ещё более достоверное представление о замке? Это уже хуже... И не боевик это, Серафима Аркадьевна, а хоррор для идущих на приступ... Мы для них – загадка в виде могучего центра силы. Мы же – потомки тамплиеров⁴², глубоко внедрённые в сердцевину русской жизни... Наш род в родстве со Стюартами и Романовыми... Одно мне непонятно... Как они вышли на Ваню? Я изучил вчерашнюю записку, полученную нашим юношей... И вот он, результат. Шерше ля фам, Ванюша! Записка, вероятно, пребывала долгое время в сумке, портфеле или рюкзаке молодой особы. Судя по всему, записка этой девушкой изготовлена. Запахи парфюмерной воды «Nina Ricci Premier Jour», следы темно-синего лака, немыслимого для меня оттенка с названием «Блю Болла», другой косметики – всё это показал анализ. Есть следы сальбутамола – им лечат астму.

– Ого! Похоже, я знаю, о ком идёт речь! Химия – весьма точная наука, – удивленно пробормотал я.

– Кто же эта ненаглядная особа? – оживилась матушка.

– Две ненаглядные особы, если следовать твоим словам. И они сидят совсем рядом со мной, за соседней партой. Алиса Чудова и её лучшая подруга Катя Кадочникова. Они часто вместе, но очень разные буквально во всём. У Алисы всегда лак темно-синего цвета и, как помню, парфюмерная вода с таким названием; у Кати – астма, она избегает косметики.

---

³⁸ Окончательное решение о сносе Сухаревой башни принимал лично Иосиф Сталин. Об этом свидетельствует телеграмма, отправленная из Сочи 18 сентября 1933 года.

³⁹ По одной из версий, книги из библиотеки Ивана Грозного могли попасть в руки Якову Брюсу и храниться в башне.

⁴⁰ Согласно легендам, Яков Брюс владел какой-то магической книгой, открывающей все тайны, в том числе будущее. Якобы эта книга принадлежала когда-то царю Соломону. Якобы после смерти Якова Брюса книгу искала Екатерина Великая, приказавшая разобрать комнаты и стены в отдельных местах башни. Сам Брюс вряд ли верил во что-то сверхъестественное, его ум был скептическим, научным. Яков Брюс был знаком с Исааком Ньютоном, Готфридом Лейбницем.

⁴¹ Из стихотворения Осипа Мандельштама «Мы живём, под собою не чуя страны» (ноябрь 1933 года).

⁴² Духовно-рыцарский орден, основанный в Святой земле в 1119 году группой рыцарей после Первого крестового похода.

– Следовательно, их кто-то попросил подкинуть письмо? – мать посмотрела на меня с дедом вопрошающе.

– Похоже, само письмо не ими составлено, но они его читали. Девочкам, по-видимому, была отведена роль почтальонов, – таковы были предположения деда. – Ваня, вспоминай, было ли что-то примечательное в общении с ними в последнее время?

– Нет, ничего такого упомянуть не могу.

– Если кто-то желал тебя, Ваня, задержать в школе или по дороге, этот кто-то запросто обошёлся бы без письма. Подозреваю, что затея с письмом нужна для того, чтобы выследить, откуда и как ты появишься. Преследователям важны дополняющие картину детали. Нужны разные ниточки. Они смотрят вперёд. Так это выглядит на первый взгляд, – говорил дед. – Моё предположение: они увидели тебя только на углу, когда ты вышел из кареты, – до этого ты был для них невидим. Безусловно, они ломают над этим голову. К тому же тебе удалось уйти от профессионалов, что и для меня крайне удивительно в силу неясности причин. Ты для них сушая нечистая сила! Недаром вдумчивые стратеги Алёну Ивановну быстро разыскали и сюда снарядили, дабы воздействовать на тебя магически. Замок теперь либо не пустит Алёну Ивановну, либо заточит её при попытке проникновения. Серафима, Алёне Ивановне ничего не известно о тебе вне замка?

– Надеюсь, что ничего. Иногда Алёна Ивановна старалась начать беседу о том о сём с Никитичной, но Никитична была с ней надменна, держала ухо востро и только пару слов ей бросала, – отвечала матушка. – Алёна Ивановна, наверное, чувствовала себя обиженной, бывая у нас. Она считала, что я должна была открыть ей, как мне удастся разговаривать с растениями и животными. Алёна Ивановна настойчиво просила книгу, по которой она могла бы научиться этому. Однажды я ей сказала, что ничего для неё такого замок не даёт: «Замок сам решает, что дать человеку». Она промолчала, обиделась, но продолжала появляться у нас.

– Вот-вот! Не исключено, что Катя и Алиса ждали от меня большего, особенно во время контрольных, – насмешничал я. – Совсем как Алёна Ивановна.

– Попробуй их разговорить через сеть, – предложил дед. – Я обновил защиты нашего доступа. Тебя обязательно будут вычислять по айпи-адресам и постараются по какой-нибудь гадкой ссылке направить или предложат что-нибудь загрузить на компьютер. Будь осторожен!

– Так что с моим братом? Когда он приедет? – спросил я маму.

– Неизвестно, – грустно и односложно ответила она.

– Почему и тут тайны? – поинтересовался я, нахмурившись.

– Да, ваше раздельное существование до известной поры и ваше незнание друг о друге – одно из условий, суть которых, причины которых должны быть в тайне. Не я это решила.

– Как всё здорово! Как загадочно! И как замысловато ты высказываешься! – протянул я. – Когда же известная пора наступит? И кто установил условия?

– Будут знаки, что пора близка. Ты тоже сможешь их заметить, – туманно ответила матушка.

– Знаки бывают вдоль дороги, они для водителей. Не всякий водитель замечает знаки. А есть такие водители, что видят знак, но не знают, к чему он, – я решил проявить немного остроумия.

– Да-а, – хитро согласился дед. – Кстати, имя Алёны Ивановны само по себе знак. Помню, так звали старуху процентщицу, к которой Родя Раскольников захаживал, а затем, следуя душевному порыву, уколошил топором. Бабка была кровопийцей, а Раскольников боролся с вампирами. И что ж мы, Серафима Аркадьевна, раньше-то не сообразили, что за фрукт эта Алёнка?

– Вольно обращаетесь с великим романом, Аркадий Владимирович! «Алёнка» – это шоколадка, для малых деток, – парировала мать.

– Точно! Покупаешь такую «Алёнку» в магазине, для малых деток, разламываешь на кусочки – и ешь. Вот «Алёнка» внутрь и попадает, – продолжил безумный диалог дед. – Как троянский конь. Потом удивляемся, почему такой провал. Всё из-за любви к сладкому. А Вы, Серафима, говорите «ловушки», «ловушки»!

– Какую чушь вы вдвоём несёте! – начал выражать недовольство я. – Теперь я затворник. «Душой дитя, судьбой монах»⁴³. И всё более осознаю собственную безысходность. Вернее, безвыходность отсюда. Когда я смогу в конце концов погулять? Без кропотливого дозора? Или вечно сидеть буду в этих призрачных стенах? Вопросы у меня, безусловно, риторические.

– Вполне себе настоящие стены! Даже более! Настоящие призрачные и прозрачные для непосвящённых. Самое оно, особенно подходит для сложных времён, – стал уводить беседу в сторону дед.

– Уроки проверяй, мать семейства, грозная женщина! – я тоже решил развернуть тему разговора. – Трудись!

– Святое дело, – отозвалась матушка. – Хотя пора мне отвыкнуть от этого странного занятия – ты же не третьем классе!

– Дом абсурда, замок болтологии, гнездилище пустоты, – я решил обострить общий диалог.

– Вань, сдаётся мне, что завтра мы погуляем! Хорошо? Так погуляем, что до Кремля дойдём наконец, – ехидно пообещал дед.

– Что за намёки, Аркадий Владимирович? – заинтересовалась матушка. – Чем Вы там заняты, в своих тайных лабораториях?

– Какие лаборатории? О чём вы? Вам, любезная, почудилось! Засим я покидаю вас: меня в нетерпении ждут два извлечённых из колодца субъекта. Капкан вашего изготовления сработал. Средневековая забава удалась. Поздравляю!

– Они вернутся сегодня домой, к детям, к жёнам, к ипотеке?

– А как же! Мы же тут человеколюбцы. Капканы, ловушки, силки. Всё готово для встречи любезных гостей. Вы в мейнстриме, Серафима! Что думаете об эпохе Ивана Грозного? Последняя мода в том, чтобы с пониманием относиться к его забавам, к тому, как он митрополита убил, сына убил, человек, аки⁴⁴ мясо, в котлах варил. Памятник ему пребольшой отлили! И хороводы, знаешь, водили вокруг истукана; речи, полные чувств и смыслов произносили! Ахали и охали «собачьи сыны» – так обычно величал подобную публику сам царь.

Дед Аркадий растворился в воздухе, матушка въедливо и с осуждением в меня всматривалась, и это предвещало разговоры на серьёзные темы, прежде всего об учёбе и разумном использовании появившегося у меня времени. Я упредил матушку, заявив, что спешу к себе, чтобы заняться полезными делами – уроками и записями в дневнике. «Записывай сны с изрядными подробностями, задумывайся о них и толкуй значения», – был её наказ. «Слушаюсь, матушка!» – был мой ответ.

Жизнь взаперти и в тайне от всех школьных знакомцев и друзей меня подавляла и, действительно, наводила скуку и сон. Одиночество я чувствовал крайне остро. И оно усугублялось правилами замковой жизни: покои каждого из нас обыкновенно находились в отдалении друг от друга, и это была традиция, в её основе лежало стародавнее убеждение о том, что при таком порядке жизни наши находятся в меньшей опасности.

Поднимаясь к себе в башню и пройдя половину этажного пролёта, я посмотрел сверху вниз и заметил чем-то озабоченную Никитичну в окружении нескольких доселе не виданных мною морщинистых стариков, с факелами и при шпагах, в париках и одеждах Петровских времён. Они, сонные, прихрамывая и шаркая ногами, с трудом и вразвалку еле поспедали за

---

⁴³ Михаил Лермонтов. Поэма «Мцыри» (1838-1840).

⁴⁴ Как.

моей здоровенного роста няней и казались гораздо древнее её. Это могло выглядеть смешно, если бы я не понимал, что старики спят десятилетиями в далёких покоях и что их пробуждение вовсе не случайно, а связано с опасениями или с ожиданием чего-то важного.

Вечер был ясный и тихий, и яркая, полная луна сегодня особенно приблизилась к Земле и словно светилась изнутри, показывая на округлившейся поверхности манящие взгляд неровности. Город, утихая к ночи, тоже источал свет и особое сияние, исходившее от свежего, недавно выпавшего снега. Тишина города и моего одиночества в опочивальне сменилась грохотом поступи стражников, их невнятными разговорами, и я вроде как со стороны увидел и себя, засыпающего на боку, и ночной дозор за дверями. Мне удалось взглянуть в зеркало: оно открылось в глубину своим изогнувшимся, отразившим полную окружность окном, сквозь которое я увидел черные силуэты четырех всадников, несущихся через облака, со всех сторон и во весь опор, к замку. Всадники друг за другом, не замешкавшись, влетели в замок сквозь стену. Я забылся на какое-то время – и очнулся у той самой реки, что видел в ранних снах. Я съехал с крутой скалы вниз, оказавшись у невысокого деревянного моста, висевшего над мутными и светло-желтоватыми водами широкой реки. За ровной спокойной рекой лежал город, куда я держал свой путь. Одолев реку, я случайно обнаружил в себе чудесную способность парить в воздухе: подпрыгнув вверх, чтобы схватиться за какую-то ветку, я повис, а потом стал медленно снижаться. Тут же я понял, что способность к левитации связана с внутренним желанием, особым ментальным усилием, и эту способность легко развить в себе. Мне захотелось поделиться открытием с матерью: она находилась поблизости в раздумьях, но, похоже, происходившее со мной открытие никак её не интересовало. И я уплыл куда-то, где в квадратной, хорошо освещенной комнате за столом сидела Алиса Чудова. Она сказала: «Не догадывалась, что так произойдет. Это был всего лишь розыгрыш. Мы с Катей придумали. Давай встретимся в парке, ты знаешь, по дороге из школы. Я всё расскажу». Алиса и её комната исчезли, а я смотрел на ночное небо со звездами: высоко в зените зажглась яркая звезда, и звезда восхищала необычной красотой. Когда я опустил взгляд вниз, то обнаружил, что замок где-то подо мной и что я могу упасть, если разучусь летать. От страха я прикрыл глаза. Мне показалось, что падаю, падаю стремительно.

Тяжело дыша, я проснулся посреди ночи, ещё не совсем веря в благополучное приземление. Спать совсем не хотелось, и я с планшета зашел в социальную сеть, где не был со времени злосчастного нападения вечером. Я прочитал несколько сообщений от одноклассников. Например, в одном было: «Эй, чувак! Ты становишься знаменитым. Тобой интересуются какие-то суровые мордовороты. Нас по очереди вызывали из класса во время уроков к завучу. Спрашивали о тебе: куда ходишь, с кем дружишь, какой ты. А больше спрашивали про родителей. Как ты там? Что-то серьезное?» В другом: «Ванюха! Не ходи в школу. Похоже, тут тебя повяжут. А также повяжут там, где часто бываешь. Точно говорю. И что ты такое натворил? Признавайся, злодей!» И другие сообщения – в таком духе. Интересно, что аккаунты Алисы Чудовой и Кати Кадочниковой были удалены. Было сообщение от классной руководительницы, в котором она любезно интересовалась, всё ли у меня в порядке, нужна ли помощь, почему мой номер мобильного вне сети, почему телефон мамы тоже не отвечает, как с нами связаться и когда собираюсь явиться в школу. «Все в классе очень волнуются и ждут тебя! Мы, учителя, крайне удивлены происходящим и желаем тебе поскорее выпутаться из этой странной истории», – писала наша классная дама, по-видимому искренне сопереживая. Я решил ответить с легкой иронией: «Мне сказали, что я немного приболел. А посему какое-то время надлежит мне побереечь здоровье. Обо мне, пожалуйста, не беспокойтесь! Всё хорошо! Надеюсь, будет ещё лучше. Постараюсь вас не огорчать. Уроки делаю, учебники читаю. Жду не дождусь, когда вернусь в любимую школу».

На этом сентиментальное в моей жизни быстро скрылось в глубине планшета, и я стал наблюдать за зеленоватым пятном в темном окне зеркала – отражением собственной физио-

номии. Это было лицо довольно грустного и озадаченного человека, и смотреть на него мне не хотелось никак.

В какой-то момент в зеркале заиграли тени от факелов, горевших в коридоре и затрепетавших от волны воздуха, и поверхность стала живой и глубокой: темнота вокруг меня расступилась – снизу, из глубины, донеслись чьи-то голоса и резкие, протяжные звуки. Я, овладев магией моментального сна, оказался внизу и, прислушиваясь к ясным звукам, поспешил в залу, где исстари проходили оружейные и фехтовальные тренировки, в которых с ранних лет довольно бестолково упражнялся под руководством деда и нескольких кичливых и ворчливых мастеров, занятых воспоминаниями о былых победах, но уже как лет двести с лишком утративших молодость и хватку. Никитична шла мне навстречу – за ней двигалась толпа казавшихся карликами тех самых стариков – и была явно не в настроении:

– Всем спать! – хмурясь, гаркнула она. – Расходитесь! Смех один такое видеть!

– Что тут происходит? – поинтересовался я. – Обычно по ночам тишина и покой.

– Тут мобилизация и учения происходят. Порох должен быть сухим. Ко всему ли мы готовы? Рапиры, шпаги, сабли залежались и заржавели. Ящики с амуницией и боеприпасами покрылись паутиной и плесенью – их открыть невозможно. Порядка ни в чём нет! Лентяи вокруг, – возмущалась Никитична. – Ты вот сам большой уже и ни о чём не думаешь. Больше в свой телефон смотришь и пальцем в него тыкаешь! Вот я, старая бабка, и порешила шороху маленько навести, если без меня тут нет охотников. Одни болтуны и созерцатели. А глубинный народ наш завсегда должен быть готов к подвигу!

Сонные старики в париках и со шпагами были огорошены прямой решимостью и удалым напором здоровенной Никитичны, которая распекала правых и левых, смотревших на неё снизу вверх и жавшихся друг к другу, как виноватые дети.

– Что с тобой, родимая? Не навоевалась? Али сон дурной? – глухим голосом прошуршал появившийся невесть откуда Петрович, хлопая слипающимися глазами.

– Дурной! Спишь много! Пошустрей будь и поумней. Смотри дальше! Кто Ванюшу чуть не проворонил? Ты же, старый! Жизнь меняется – вот и поспевай! Одно я всем скажу: чую, что кто-то тут разгуливает, ох, чую! И голоден он: трескает всё, что оставишь или ежели зазеваешься. Я таких фокусов и не помню на своём веку! Не ты ли запустил кого? – обратилась моя няня к Петровичу.

– Я своё дело знаю! – с достоинством ответил Петрович, обидевшись.

– Иди спать! Смотри *его* во сне! А вы, жалкие шуты гороховые! – обратилась она к старикам солдатам. – Вами только деток смешить на ёлке, – берите заржавые шпаги и рапиры свои и шугайте⁴⁵ *его*! Чтобы к утру духу *его* не было!

– Слушаемся, матушка! – виновато кивая, отвечали подначальные Никитичны.

Эти слова напомнили последнюю беседу с матерью. Я улыбнулся и кое-что вспомнил.

– Вот почему мандарины и пирожки пропали, – пробормотал я. – Я видел во сне всад... – начал я и не успел договорить, как Никитична быстро и ловко оборвала меня:

– Молчи! Слышишь!

Она внушительно посмотрела на меня и помахала сжатым кулаком. Выдержав тихую паузу, я всё же поинтересовался:

– Мне показалось, что раздались необычные звуки. Как стон железа и скрежет. Было такое?

Никитична, уже успокоившись, ответила:

– В машины рядом снег грузят ночами. Может, часы на башне двинулись и пошли. Время заторопилось, заворочалось. Иногда замок стонет из глубины или от ветра. Кто знает... Я спать иду, Ванюша, чего и тебе желаю.

---

⁴⁵ Пугайте.

3

*My secret garden's not so secret anymore
Run from the house holding my head in my hands
Feeling dejected, feeling like a child might feel
It all seems so absurd
That this should have occurred
My very only secret
And I had to go and leak it!
My secret garden's not so secret anymore!⁴⁶*

Depeche Mode.

Поутру мать, дед и я появились в трапезной в одно время и, как сговорившись, молчали, почему-то хмурясь, – то ли погода не выдалась сегодня, то ли ночь оказалась для всех беспокойна.

– Как почивал⁴⁷, сынок? – поинтересовалась матушка, первой нарушив полусонную тишину.

На меня что-то внезапно нашло после услышанного «почивал», и я ответил:

– Хорошо, мамочка! С великим смыслом сны видел. Бог не оставил меня своей благодатью сегодня ночью и хитроумные видения подарил, – произнес я на одном дыхании, запивая кашу компотом.

Удивление пронеслось на непонимающем лице матери – дед же сдержанно, почти невидимо, изобразил улыбку в своих глазах и замер.

– Кого же ты повстречал во сне? – продолжила расспросы мама.

– Федор Михайлович меня изрядно порадовал в очередной раз: путь указывал во тьме нашего невежества и молча знаки подавал, что затея записывать – весьма похвальное занятие.

– Как ты это понял? – методично вопрошала матушка.

– Большею частью он изъяснялся красноречивыми жестами, как в театре кабуки. Вероятно, для большей убедительности внутри молчания и в ожидании моих слов.

– Красиво сказано. И как сие понимать? – прозвучал следующий вопрос.

– Слова во сне утекают в забытьё глухоты – жесты же живы и запоминаются. Федор Михайлович всегда открыватель. Выход из тёмного коридора заблуждения – банально – через старую, забытую всеми дверь, сквозь мерцающие огни тайного сада, где деревья светятся в темноте. «My secret garden's not so secret anymore, run from the house holding my head in my hands...»⁴⁸ Горящие, растущие из них слова растекаются по всему миру мгновенно. Не это ли мечта большого писателя? Федор Михайлович с орбиты также на Луну указывал. И это уже не раз. Но тут я ничего не понимаю. Хотя что-то в этом есть. Я застрял в этих глубокомысленных видениях, маман. «It all seems so absurd!»⁴⁹ Реальная жизнь – вот моя стезя. Хочу убежать отсюда, не то прокисну в бездействии и неподвижности! В замке безумие наступает на пятки.

---

⁴⁶ Мой потаённый сад больше не тайна. Из дому бегу прочь сломя голову, Чувствую себя расстроенным, как ребёнок! О, как же нелепо, что так произошло. Мой самый сокровенный секрет я сам выдал. Мой потаённый сад больше не тайна.

⁴⁷ Спал.

⁴⁸ «Мой потаённый сад больше не тайна. Из дому бегу прочь сломя голову...»

⁴⁹ «О, как же нелепо всё!»

– Бегство возможно через предательство. И ты это знаешь. Безумие – симптом усложнения твоего разума, его умножения.

– Ты неверно толкуешь мои слова. Сидеть тут взаперти и беседовать только о снах – сущее мучение. Я о простом и понятном говорю... Как бы мне пойти погулять, а не умножать извилины в полушариях?

Дед Аркадий встрепенулся:

– Вот-вот! Жизнь есть сон, как сказал Кальдерон⁵⁰... А ты уже по-английски заговорил. Превращаешься в Артура Коннора. Красим твои волосы и стрижем, фотографируемся для паспорта, а дальше вместе едем по делам. Где-то через час. Сны быстро забываются, и это к лучшему.

– Это безопасно? Я о поездке, – интересовалась мама.

– Как посмотреть, Серафима! Ежели твоя Алёна Ивановна ухитрится нас настигнуть, то, верно, Фёдор Михалыч поможет. Явит нам Родиона Романыча, а тот уж быстрёхонько разберётся с вредной и гадкой старушонкой. Тюк – и всё.

– Всё шутишь, дедушка Аркадий?! Что с теми, которые вчера в ловушку угодили?

– Сложные ребята, в том смысле сложные, что с трудом всё понимают, но крепко по-своему жизнь толкуют, глядя прямо в глаза: «Дед, у тебя тут где-то и золото, и камни драгоценные. А философский что за камень? У тебя есть? Ты колдун или маг? Хочешь, мы тебя с нужными людьми сведём? И тебе, и нам польза будет. Если что, тут неподалёку есть бар и кафе «Баблок» – туда заходим в обед». В общем, Серафима, они уже напрочь забыли как нашу беседу, так и всё тут с ними приключившееся, а вот мы уже можем слушать их разговоры про рыбалку, охоту, автомобили.

– Всё это некрасиво! И так же бесчестно, как их поступки.

– Ну, милая моя! «Грех величайший – бытие. Тягчайшее из преступлений – родиться в мире»⁵¹. Во-первых, их поступки отнюдь не бесчестны: это их работа. Во-вторых, пусть будут хитры и низменны мои поступки – я это переживу, Серафима Аркадьевна... Лишь бы все были живы и здоровы! Вот и хорошо! Ваня, который Артур! Не ленись: займись уж усердно фехтованием! Вдруг пригодится!

– Может, ещё в какой кружок меня запишете? Например, конного спорта? – я не мог обойтись без иронии.

– С удовольствием!

– Ночью, матушка, я видел четырех всадников, то ли во сне, то ли наяву. К чему это?

– Я не видела. И тему снов предлагаю на время подзабыть, – уже раздражённо заговорила мама.

Дед, помолчав и посмотрев на мать, покрутил ложку в руках и стал степенно объяснять, взор подняв куда-то вверх, к круглому высокому куполу:

– Четыре тени скачут со всех сторон света, через Бездну, и пересекаются в стенах замка, воплощаясь во Всаднике. Обычно на башне просыпаются часы: их механизм чуть оживает и совсем ненадолго приходит в движение, подобно пробудившемуся большому сердцу. Вот так происходит смещение во временных пластах замка, где время обычно сгущено и почти остановилось. В утробе замка, его глубинах что-то изменяется: появляются или исчезают предметы, комнаты, ходы, передвигаются стены. У Всадника есть миссия, в которую мы не посвящены, – у нас могут быть только догадки. Древние жители замка могут видеть *его* как явную Тень с очерченным обликом – и страшатся. Всадник осматривает замок, обходит приделы и покои замка дозором верхом – слышны удары копыт коня, – останавливается перед каждым встречным и вглядывается в лицо. Видящие *его* вблизи испытывают трепет. И впоследствии пред-

---

⁵⁰ «Жизнь есть сон» – пьеса испанского драматурга Педро Кальдерона де ла Барка, впервые представленная в 1635 году.

⁵¹ Цитата из упомянутой пьесы Кальдерона.

почитают не говорить о произошедшем либо упрямо отрицают, что были свидетелями чего-то необыкновенного. Такова суеверная традиция... Мы же, существа из позднейших пластов времени, судим о подобных происшествиях полагаясь на предания, сплетни и нелепые разговоры... Через некоторый срок Всадник просит открыть Врата (они тяжелы и распахиваются со нездешним скрежетом) и покидает замок... Что и состоялось прошедшей ночью. Нынче внутри замка, среди глубинных жителей, видевших Всадника воочию, начинаются тихие толки о том, каков он был в этот раз, какие знаки дал и что всё это означает.

Матушка, пасмурная, с осуждением слушала деда и отвечала:

– Половина из этого – порождение фантазии. Словом, небылицы. Морочишь нам голову сказками. Аркадий Владимирович, поясни: у тебя в галерее висят работы одного художника, и там как раз эти четыре всадника. Мне кажется, картины впечатлили тебя и навели на мысли.

– Серафима, ты путаешь причину со следствием. Картины появились в галерее из-за моего интереса к сюжету четырех всадников, а не наоборот. Ты делаешь попытку отрицать. Могу предположить: ты что-то видела прошедшей ночью. Или что-то знаешь сверх того, что знаю я. С какой половиной ты согласна?

– С той, которая ближе к науке и подальше от искусства. Случившееся ночью – это возмущения внутри времени, его вибрации. Остальное – работа сознания и видения.

– Я с тобой согласен, милая! Не всё ж так однозначно! Ну, пожалуйста, сделай одолжение, посмотри на эту ложку в моих руках и на свою тоже, – дед стал крутить ложку перед собой, поворачивая её разными сторонами. – Что видишь, упрямая и ненаглядная? Моя чуть искривлена – и твоя, думаю, тоже... И тарелки, приглядишься, немного изменили форму. Взгляд художника такое отметит – обыватель пропустит. Через пару дней и ложки, и тарелки, и всё остальное вернётся к изначальному виду. Гештальт⁵² какой-то, если уж ты разделяешь вибрации и работу сознания. А для меня кривая ложка – свидетельство того, что было ночью... Вань, собирайся! За московский час изменить внешность – ох, как непросто! Это не вечность. Серафима, постриги его покороче и сделай сияющим блондином!

Через полтора часа мы оказались в одном из тихих переулков неподалёку от Чистых прудов, в уютном гастрономическом заведении «Пряники и вареники». Молниеносно, среди интерьера в стиле а-ля рус, перед нами вырос учтивый усатый официант и предложил ознакомиться с меню. Дед, нарочито изображая скопидома⁵³, обратился к нему:

– Уважаемый, знаете, у меня финансовый вопрос. По бонусам. Кто у вас сегодня за старшего?

Официант быстро улыбнулся под усами, его глаза смешно округлились – и он ответил уверенно, густым басом:

– Никифор Львович. Как обычно. Одну минуту!

Действительно, ровно через минуту перед нами стоял тот самый Никифор Львович – атлетически сложенный, сосредоточенный, незаметный и, судя по ненавязчивому, но пристальному взгляду, внимательный человек.

– Рад приветствовать! У Вас есть вопрос? – поинтересовался он, и лицо Никифора Львовича стало грустным.

– Я ваш постоянный клиент... Вот моя бонусная карта, а это счета с вашего сайта, – дед достал из бумажника лист, его рука чуть подрагивала. – Мне кажется, тут есть ошибка... Я сам пересчитал, на бумаге... Посмотрите цифры. Будьте любезны!

– Хорошо, – Никифор взял листик, предложенный дедом, и, ещё добавив порцию серьезности на своё лицо, стал в него вглядываться. – Вы всегда рассчитывались своей картой?

---

⁵² Целостный образ (структура, фигура), который оказывается чем-то большим, чем просто сумма его составляющих. Гештальт стремится к завершённости.

⁵³ Бережливый до скупости человек.

– Обычно – да. Но, возможно, не всегда. Всего не упомнишь! Дайте мне на минутку бумажонку!

Никифор быстро вернул листок назад. Дед не торопясь вытащил еще одну банковскую карту, и я с удивлением увидел на ней имя таинственного брата – Генри Коннора. На карту внимательно смотрел Никифор – дед же на бумаге начертил в разных углах инициалы брата размашистой, невнятной латиницей. Диалог деда и Никифора казался поначалу забавным, а далее – странным и замысловатым.

– Подождите минут пять, пожалуйста, – попросил Никифор с сердечностью и тревогой в голосе. – Я сейчас же проверю через нашу базу... Думаю, Вы правы... В нашем беспокойном мире и не такое возможно! Пока выпейте травяного чаю с нашими пирожками. Вам понравится!

Никифор спустился по лестнице куда-то вниз, а дед ушел в себя – что-то заставляло его сильно переживать. Прошло пять, а потом и десять – пятнадцать минут, а Никифор не возвращался.

Дед натянуто улыбался мне, смотрел по сторонам, мял салфетку и старался пить чай так, словно на дне чашки, под слоем напитка, что-то скрывалось и туда нужно было непременно заглянуть. Я чувствовал, что он ждёт не дожждётся и сдерживает тревогу.

Наконец Никифор Львович появился – и лицо его показалось мне ещё более сумрачным:

– Извините за ожидание! Вы правы, Аркадий Владимирович! Раз уж так произошло, предлагаю Вам и Вашим близким воспользоваться вот этими приглашениями. Возьмите! – Никифор протянул деду несколько красочных листиков, на которых что-то еще было написано от руки.

– Спасибо! Мне кажется, что я Вас, Никифор Львович, видел... Где-то на днях... Такое возможно? – спросил дед, делая паузы и выделяя слова.

Интонация деда нашла отражение в ответных словах собеседника:

– Да, вполне... И я даже припоминаю где... В «Библио-Глобусе». Вы там были? Это здесь. Неподальёку. Удивительное совпадение... Молодой человек, – обратился Никифор ко мне с настойчивостью, – проследуйте за мной: я Вам оформлю карту нашего заведения.

Я пошёл за проворным Никифором вниз, в небольшой, отделанный тёмным деревом кабинет. Когда формальности были улажены и я уже с картой выходил на лестницу, Никифор окликнул меня: «Артур, Вы забыли кое-что!» Я вернулся... «Мне это совсем ни к чему! Заберите поскорее – я тороплюсь», – и Никифор протянул мне два паспорта, один из которых он раскрыл, дав прочитать новое, уже известное мне имя – Артур Коннор. В паспорте была фотография, сделанная дедом час тому назад в замке. «Ловко!» – подумал я, удивившись.

Вскоро мы покинули заведение, попрощавшись с его любезными хранителями. На улице дед сказал, что всякие прогулки сегодня отменяются и нужно спешить домой, не мешкая.

– Ну вот! – недовольно отозвался я.

– Обстановка нынче не та. Погода плохая, – бурчал отговорками дед.

– Всё отлично! Лучше не бывает! – парировал я, на что в ответ получил гневный взгляд. – «И скучно и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды...»⁵⁴ Хоть на час? Один час? – добивался я своего. – «Желанья!.. Что пользы напрасно и вечно желать?.. А годы проходят – всё лучшие годы!» – продолжал я свои намёки.

– Я знаю, куда ты собрался. Ближе к своей школе? И вряд ли оттуда вернешься! Понимаешь? Мне и так неприятностей хватает! – разозлился дед.

– И я всё время буду сидеть взаперти? – я стал сердиться в ответ.

– Сейчас – никаких прогулок, – железно отрезал дед. – Но я тебе расскажу об одной возможности, как только мы вернёмся назад. И ты сможешь пригласить друзей к себе. Обещаю!

---

⁵⁴ Из стихотворения Михаила Лермонтова «И скучно и грустно» (1840).

– Ура-ура! – обрадовался я. – Так что с моим братом? Как скоро я его увижу?

Дед был заметно чем-то огорчён, и прошла долгая минута, прежде чем он махнул рукой и пробормотал тихим, пропадающим голосом:

– Об этом – не сейчас... И матушке, пожалуйста, без подробностей о нашем пребывании в «Пряниках и варениках»... Ежели начнёт любопытствовать... О паспортах, безусловно, можешь рассказать. О съеденном и выпитом тоже. Выключи и спрячь телефон.

Мы ехали молча и кругами, протискиваясь в адских пробках в ущельях между домами. Лишь однажды вдалеке украдкой показалась и исчезла одна из башен Кремля, на которую я с безмолвным укором указал деду. Он же в ответ мертвенно-хмуро посмотрел на меня. Когда наконец мы поехали резвее и стали приближаться к заводу, дед остановил автомобиль, включил планшет и, задумчиво вздохнув, стал изучать сведения с камер и датчиков автосервиса и арт-галереи. «У сервиса стоит машина полиции. Надеюсь, что они со своими обычными расспросами. Не мешает быть осторожными, посему вылезай и двигайся в сторону трамвайной линии, там, на остановке, постоишь полчаса или погуляешь поблизости... Ты же хотел? Вот мечты и сбываются... Как только они уедут, вышлю Борей к тебе. Вернётесь вместе». Борей – один из сторожевых псов замка, с чудесной способностью быть видимым или незримым по собственному усмотрению.

Ходить среди безмолвных сугробов в малолюдном черно-белом районе, находясь в ожидании, когда же тебя позовут домой, в замок, – эксцентричная романтика для адептов духа пустоты. Через сто напрасных метров прогулки вдруг веселой рысью перебежала мне дорогу чёрная кошка. Я остановился – животное тоже, чтобы живо посмотреть на меня. Показалось, что задорная кошка улыбнулась, а по прошествии пары беспечальных секунд тихо рассмеялась, пробормотав что-то такое: «Дурачок, ха-ха, посмотри на свою слабоумную и закисшую мордочку и нелепую одежду! Шагай прытко, глупый человечек, на двух неуклюжих лапках!» После чего чёрная кошка ловко подпрыгнула и исчезла за поворотом. Я, по обыкновению несусеверный, развернулся и изменил маршрут для прогулки в одиночестве, сделал его ещё более замысловатым и бессодержательным.

Минут через сорок в ногу с размаху уткнулся нос Борей, и я, поскользнувшись, еле удержался на ногах. Борей игриво ловил мой взгляд и был настроен азартно. С беззастенчивостью обнюхав меня, он заявил: «Где это вы жевали? Ну?! О, пирожки?! Это не пирожки Никитичны! Я-то знаю в этом толк!» – «Что-что? Признавайся, ушлый пёс!» – ответил я, сообразив, что иногда происходит в моей опочивальне с оставленными в одиночестве яствами. «Ты прав! Я читаю твои мысли! Люблю тебя, сердечный друг! Дай лизну в морду! Уверен, что ты не в обиде и всегда сам бы поделился! А старуха не понимает мою преданную душу, рычит в ожесточении и гонит прочь из кухни!» – Борей был убеждён, что я соглашусь с ним во всём.

Совсем скоро мы были дома, и Борей растворился в воздухе коридоров. На одной из лестниц с важным видом вырос помолодевший, но заспанный Петрович. Он, по старой привычке, крепко держал массивный подсвечник с тремя потрескивающими свечами.

– Хорошо выглядишь, Петрович! – начал я с комплимента. – Даже не узнать! Время снова благосклонно к тебе.

Петрович с достоинством чуть склонил голову и в ответ медленно прошелестел:

– Мерси, барин!

Объяснить Петровичу, что я не барин и подобное обращение неуместно, было невозможно. Старик бы обиделся, услышав несогласие с привычными ему словами.

– Сударь! – протянул он и, сделав паузу, продолжил: – Аркадий Владимирович велели передать просьбу явиться к нему, в кабинет, сию же минуту! Велели Вас проводить к себе.

– Благодарен тебе, Петрович! Сделай милость!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.